

DEUTSCHE internationale Zeitschrift
für zeitgenössische Wissenschaft

**Nº19
2021
VOL.2**

DEUTSCHE internationale Zeitschrift
für zeitgenössische Wissenschaft

ISSN (Print) 2701-8369
ISSN (Online) 2701-8377

**Deutsche internationale Zeitschrift
für zeitgenössische Wissenschaft**

...
Nº19 2021
VOL. 2

Deutsche internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft ist eine internationale Fachzeitschrift in deutscher, englischer und russischer Sprache.

Periodizität: 24 Ausgaben pro Jahr
Format - A4
Alle Artikel werden überprüft.
Freier Zugang zur elektronischen Version des Journals

- Edmund Holst (Salzburg) AT
- Michaela Meissner (Köln) DE
- Klara Amsel (Liège) BE
- Briana French (Cambridge) GB
- Joleen Parsons (Manchester) GB
- Dragomir Koev (Sofia) BG
- Stanislav Štěpánek (Praha) CZ
- Valeriya Kornilova (Kyiv) UA
- Dmitriy Aksenov (Lviv) UA
- Valentin Bragin (Moscow) RU
- Miroslaw Bednarski (Warsaw) PL
- Daniela Villa (Florence) IT
- Mattia Molteni (Rome) IT
- Sylwia Krzemińska (Ljubljana) SI
- Käte Kraus (Vienna) AT
- Eleonora Lehmann (Berlin) DE
- Alexander Dressler (Marseille) FR
- Zdzisław Małecki (Warsaw) PL
- Adrián Borbély (Budapest) HU

**German International Journal
of Modern Science**

...
Nº19 2021
VOL. 2

German International Journal of Modern Science is an international, German/English/Russian/Ukrainian language, peer-reviewed journal.

Periodicity: 24 issues per year
Format - A4
All articles are reviewed.
Free access to the electronic version of journal.

- Edmund Holst (Salzburg) AT
- Michaela Meissner (Köln) DE
- Klara Amsel (Liège) BE
- Briana French (Cambridge) GB
- Joleen Parsons (Manchester) GB
- Dragomir Koev (Sofia) BG
- Stanislav Štěpánek (Praha) CZ
- Valeriya Kornilova (Kyiv) UA
- Dmitriy Aksenov (Lviv) UA
- Valentin Bragin (Moscow) RU
- Miroslaw Bednarski (Warsaw) PL
- Daniela Villa (Florence) IT
- Mattia Molteni (Rome) IT
- Sylwia Krzemińska (Ljubljana) SI
- Käte Kraus (Vienna) AT
- Eleonora Lehmann (Berlin) DE
- Alexander Dressler (Marseille) FR
- Zdzisław Małecki (Warsaw) PL
- Adrián Borbély (Budapest) HU

Artmedia24

Anschrift: Industriestraße 8,74589 Satteldorf Deutschland.

E-mail: info@dizzw.com
WWW: www.dizzw.com

Chefredakteur: Reinhardt Roth

Druck: Einzelfirma Artmedia24, Industriestraße 8,74589 Satteldorf Deutschland

Die Hersteller der Zeitschrift sind nicht verantwortlich für die in der Zeitschrift veröffentlichten Materialien.

Die Autoren sind für die Richtigkeit der im Artikel enthaltenen Informationen verantwortlich. Die Meinung der Hersteller spielt möglicherweise nicht die Ansichten des Autoren wieder.

Bei Nachdruck ist ein Verweis auf der Zeitschrift erforderlich. Materialien werden in der Ausgabe des Autoren veröffentlicht.

Artmedia24

Address: Industriestrasse 8,74589 Satteldorf Germany.

E-mail: info@dizzw.com
WWW: www.dizzw.com

Editor in chief: Reinhardt Roth

Printing: Artmedia24, Industriestrasse 8,74589 Satteldorf Germany.

Editorial board of journal is not responsible for the materials published there.

Authors are responsible for the accuracy of articles contained information.

Opinion of editorial board may not coincide with the opinion of authors published materials.

In case of materials reprinting - link to journal is required.

Materials are publishing in native author's edition.

Edition: № 19/2021 (October) – 19th

Passed in press in October 2021

Printed in October, 2021

Printing: Artmedia 24, Industriestrasse 8,
74589 Satteldorf, Germany.

© Artmedia24

© Deutsche internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft / German International Journal of Modern Science

CONTENT

ARTS

Prodma T.

JOHANN SEBASTIAN BACH TOCCATA (WITH THE
FUGUE) D-MOLL FOR ORGAN BWV 565 «Peter's
renunciation of Christ» 4

Prodma T.

JOHANN SEBASTIAN BACH TOCCATA (WITH THE
FUGUE) D-MOLL FOR ORGAN BWV 565 *“The Betrayal
of Judah”* 14

CULTURAL SCIENCES

Zelisko S.

THE VARIABILITY OF APPROACHES IN THE CHURCH'S
IDENTIFICATION IN THE RUSSIAN THEOLOGY OF THE
20-TH CENTURY 23

ECONOMIC SCIENCES

Muminov N.

THE ROLE OF INTELLECTUAL POTENTIAL IN THE
INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL
ECONOMY: THEORETICAL AND HISTORICAL
APPROACH 27

HISTORICAL SCIENCES

Bragina D.G.

ABOUT THE SACRED PLACES OF THE EVENKS OF THE
NERYUNGRINSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF
SAKHA (YAKUTIA) 30

Ruban M.

ON THE HISTORY OF INSTITUTIONALISATION OF THE
INDEPENDENT REFORMATIONAL ORTHODOX
DENOMINATIONS IN THE DONBAS REGION
(1919-1929) 33

JURISPRUDENCE

Malysheva N.

STATE AUTHORITY AS A SOCIAL REGULATOR ROLE OF
THE THEORY OF LEGAL FINALIZATION IN SOCIETY
GOVERNANCE 37

PEDAGOGICAL SCIENCES

Koldoshev M.K.

USE OF IDEAS OF THE MANAS EPIC IN THE
IMPLEMENTATION OF THE PROVISIONS OF THE
CONCEPT OF EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN AND
YOUTH OF THE KYRGYZ REPUBLIC FOR
2021-2030 46

**Chistyakova A., Sidorkin V.,
Rosinskaya K., Chistyakova A.**

VOLUNTEER ACTIVITY IN THE FIELD OF SECURITY –
SOCIAL PLATFORM FOR DIFFICULT CHILDREN 48

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Danilenko E.N., Mazhirina K.G., Jafarova O.A.

IMPACT OF PSYCHOSOCIAL FACTORS ON THE
CORRECTION OF ATTENTION DEFICIT HYPERACTIVITY
SYNDROME 52

SOCIAL SCIENCES

Slobodeniu T.

CURRENT PROBLEMS OF SERVICE STATE MODEL
FUNCTIONING IN UKRAINE 56

ARTS

**JOHANN SEBASTIAN BACH
TOCCATA (WITH THE FUGUE) D-MOLL FOR ORGAN BWV 565
«Peter's renunciation of Christ»**

Prodma T.
Candidate of art criticism
DOI: [10.24412/2701-8369-2021-19-2-4-13](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-19-2-4-13)

**ИОГАНН СЕБАСТЬЯН БАХ
ТОККАТА (С ФУГОЙ) D-MOLL ДЛЯ ОРГАНА BWV 565
«Отречение Петра от Христа»**

Продьма Т. Ф.,
кандидат искусствоведения

Abstract

This article proposes for consideration the version about the presence in Toccata (with the fugue) of I.S. Bach BWV 565 of hidden content based on the New Testament history “Peter’s renunciation of Christ”. The purpose of the study is my search in the Toccata for associative images which are associated with this passionate plot. I am considering the fugue’s section from the seventh to the eleventh thematic sections and their intermediaries. I am studying in detail the seventh intermediate is one of the most developed and complex which accounts for the main emphasis in the development of this plot. The most convincing conclusions regarding the involvement of the fugue from Toccata (with the fugue) d-moll in the plot “Peter’s renunciation of Christ” are based on a comparison of its musical thematism with the music of «Johannes Passion» BWV 245 by J.S. Bach himself. In this article I attract the soprano aria “Ich folge dir” (“I follow you”), reciting the Evangelist, Peter and the servants “Er leugnete aber und sprach: Ich bins nicht” (“He rebuffed and said: it was not me”), and the chorale “Petrus, der nicht denkt zurück” (“Peter, you’re not bringing this back”).

Аннотация

В статье предлагается на рассмотрение версия о наличии в Токкате (с фугой) d-moll И.С. Баха BWV 565 скрытого сюжета, основанного на новозаветной истории «Отречение Петра от Христа». Целью исследования является поиск ассоциативных образов, связанных с этим пассионарным сюжетом. Рассматривается раздел фуги, охватывающий седьмого по одиннадцатый тематические разделы и их интермеди. Детально рассматривается седьмая интермеди — одна из самых развитых и сложных, на которую приходится основной акцент в развитии данного сюжета. Наиболее убедительные выводы, касающиеся причастности фуги из Токкаты (с фугой) d-moll к сюжету «Отречение Петра», основаны на сравнении её тематизма с музыкой из «Страстей по Иоанну» самого И.С. Баха BWV 245. К анализу привлечены ария сопрано «Ich folge dir» («Я следую за Тобой»), речитатив Евангелиста, Петра и слуги «Er leugnete aber und sprach» («Он отрёкся и сказал: это был не я») и хорал «Petrus, der nicht denkt zurück» («Петр, это не вернёшь назад»).

Keywords: J.S. Bach, Toccata (with the fugue) d-moll BWV 565, the plot “Peter’s renunciation of Christ”.

Ключевые слова: И.С. Бах, Токката (с фугой) d-moll BWV 565, «Страсти по Иоанну» BWV 245, сюжет «Отречение Петра от Христа».

Токката (с фугой) d-moll для органа BWV 565 Иоганна Себастьяна Баха самым тесным образом связана с жанром старинных пассионов. Данный вывод основывается на детальном изучении нотного текста этого произведения и сравнении его с нотным текстом «Страстей по Иоанну» и «Страстей по Матфею» самого И.С. Баха.

Известно, что Бах, создавая свои произведения на евангельские сюжеты, стремился отразить специфику духа и стиля повествования того или иного Евангелия. Рассматривая сюжетную канву Токкаты (с фугой) d-moll с позиции евангельских текстов, мы приходим к выводу, что Бах при создании этого произведения продумал многие идеи и сюжеты, которые в дальнейшем легли в основу его ораториальных «Страстей по Иоанну» BWV 245.

«Евангелие от Иоанна» — это четвёртая книга Нового завета. Оно не «синоптическое» и отличается по стилю от «синоптических» Евангелий (от Марка, Матфея и Луки), сконцентрированных в основном на целостной передаче новозаветных событий. По сравнению с «синоптическими» текстами, Евангелие от Иоанна стоит особняком. А. Швейцер отмечает, что Бах в своих «Страстях по Иоанну» стремился сохранить манеру повествования — «волнующую и страстную» — четвёртого Евангелия [7, с. 434–440]. Исследователь отмечает также склонность Баха к детальной точности в звуковой живописи [7, с. 338], что позволяет нам, применяя метод сравнительного анализа, предложить некоторые выводы при рассмотрении выделенного в статье фрагмента фуги.

За рамками статьи остаются многие интересные, а иногда и спорные вопросы, требующие специального рассмотрения. В частности, не затрагивается вопрос, касающийся проблемы авторства Токкаты (с фугой) d-moll [3; 8]; вопрос взаимосвязи этого произведения с Toccata prima d-moll Георга Муффата из сборника «Apparatus musico-organisticus» как его возможным первоисточником [5, 17–20]; остаются в стороне вопросы, касающиеся хоральных истоков Токкаты (с фугой) d-moll Баха [11; 12] и её причастности к немецкому жанру пассиона [9; 10]. Все эти и многие другие вопросы — это предмет отдельных исследований. Целью данной статьи является рассмотрение развитого фрагмента

фуги, охватывающего с седьмого по одиннадцатый тематические разделы и их интермеди, в связи с новозаветной историей *Отречение Петра от Христа*. Особое внимание уделяется седьмой интермеди фуги, — одной из самых развитых и сложных, в которой раскрывается в ассоциативных образах это библейское событие, произошедшее после Тайной вечери.

Ассоциативные образы, имеющиеся в других произведениях Баха, музыкой корреспондирующих к органной Токкate d-moll, позволяют нам погрузиться в скрытое духовное содержание этого знаменитого произведения композитора и описать его сюжетную канву.

Ил. 1. *Отречение св. Петра от Христа*
Рембрандт Харменс ван Рейн, 1660 год

Отречение Петра от Христа относится к *страстным* сюжетам. Эта сцена входила в качестве инсценировки в народные пассионы [2, с. 43]. Бах ввёл её в свои «Страсти по Иоанну» № 12a–14 [1, ноты] и в «Страсти по Матфею» № 38a–40 [2, ноты], хотя ко времени создания этих «Страстей» традиции использования подобных инсценировок, как и некоторые другие традиции, шедшие от народных пассионов, были уже на исходе.

Погружение в сюжет *Отречение Петра от Христа* в Токкате d-moll начинается с седьмого те-

матического раздела фуги. Тема в этом разделе проходит в педальном голосе в c-moll. Сопровождают её удержанное из экспозиции противосложение и новое противосложение, состоящее из длящегося *доминантового* звука *g* с трелью. В восьмом тематическом разделе, вступающем после седьмого тематического раздела стретто, тема вновь звучит в c-moll, но уже в нижнем мануальном голосе. Удержанное из экспозиции противосложение перемещается в педальный голос, а противосложение, основанное на длящемся *доминантовом* звуке *g* с трелью, — в верхний (пример 1).

Пример 1
Токката (с фугой) d-moll BWV 565,
седьмой и восьмой тематические разделы фуги

Тональность с-moll в образной системе баховских пассионов соотносится, в совокупности с другими характеристиками, с «аффектом смерти». Особенно определённо «смертоное» предназначение этой тональности проявляется в «Страстях по Матфею» BWV 244. В них с-moll впервые заявляет о себе в тот момент, когда Иисус говорит, что один из учеников предаст Его, — в речитативе Евангелиста № 9с. Последовательное (приёмом *attacca*) проведение двух тематических разделов в с-moll может быть соотнесено с пророчеством Иисуса, произнёсшим на Пасхальной трапезе и косвенно связанным с предательством Иуды. Иисус сказал тогда Своим ученикам: «...ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем. Если Бог прославился в Нем, то и Бог прославит Его в Себе, и вскоре прославит Его. Дети! Недолго уже быть Мне с вами» [1] (Ин 13: 31–33).

Тема фуги дважды звучит в с-moll — в 7-м и в 8-м проведении стретто. Присутствующее здесь сакральное число 7 (в виде 7-го проведения темы), соответствует в речи Иисуса упоминанию Сына Человеческого; 8-е проведение темы соотносится с упоминанием Отца Небесного. Возможно, акцентируя числа 7 и 8, Бах в скрытом виде даёт здесь «указание» на 7-й и 8-й стихи из первой главы Откровения св. Иоанна Богослова. В этих стихах записано пророчество Христа о Сыне Человеческом: «Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око и те, которые пронзили Его; и возрыдают пред Ним все племена земные. Ей, аминь». «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель» [1] (Откр 1, 7–8).

Длительная трель на доминантовом звуке *g* в качестве нового противосложения к теме присутствует в копии Ринка и, что вполне допустимо, выставлена самим Бахом. Трели и трелеобразные движения при соответствующем регистре и тембре Б. Яворский воспринимал в баховских произведениях как передающие довольство, веселье и смех [4, с. 17]. На «скорое прославление Сына Человеческого» указывает в этом сложном тематическом разделе и мотивный символ креста; он присутствует в теме и вдержанном из экспозиции противосложении. Этот мотивный символ представлен в них в основном виде (*c-h-es-d*; *es-h-c*) и «закрытом» (*h-c-d-es*) как символ крестной муки, смерти и искупления.

Иисус наставлял Своих учеников на Пасхальной вечере: «Дети! недолго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете прийти, *tak* и вам говорю теперь» [1] (Ин 13: 33). В следующей за восьмым тематическим разделом *шестой интермедией* верхние голоса начинают блуждать в имитациях со многими «бесцельными» отклонениями, а педаль в это время уверенно восходит восьмыми в диапазоне тетрахордов, первый из которых интонационно совпадает с мотивным символом крестной муки и искупления, представленным в «закрытом виде» (*h-c-d-es*) (пример 2). Разнонаправленное движение мануальных голосов и педального голоса, а также тональное «блуждание» в шестой интермедии ассоциативно вполне соответствует словам Иисуса: «...куда Я иду, вы не можете прийти».

Пример 2
Токката (с фугой) d-moll BWV 565,
шестая интермедиа фуги

The musical score for organ (Org.) shows three staves of music. The top staff is in treble clef, the middle is in bass clef, and the bottom is also in bass clef. Measure 91 starts with a melodic line in the top staff. Measure 92 continues the melodic line. Measure 93 begins with a new melodic line in the middle staff.

«Симон Петр сказал Ему: Господи! куда Ты идешь? Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мной идти, а после пойдешь за Мной. Петр сказал Ему: Господи! почему я не могу идти за Тобой теперь? я душу мою положу за Тебя. Иисус отвечал ему: душу твою за Меня положишь? истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды» [1] (Ин 13: 36–38).

В «Страсти по Иоанну» желание (Петра?) следовать за Иисусом передано арией *сопрано* «Ich folge dir» («Я следую за Тобой») № 9. Бах, вероятно, обращается здесь к аллегорическому образу воодушевлённой, стремящейся вслед за Иисусом души,

иначе как можно объяснить поручение этой арии голосу сопрано, а не низкому мужскому, более соответствующему образу Петра? Воодушевление (страждущей души) передано восходящими мотивами из шестнадцатых в B-dur, но средняя часть арии (ария написана в трёхчастной репризной форме) погружается в тональности c-moll и g-moll. В этой части на фоне мерно вышагивающих басов звучат никнущие интонации у сопрано. Определённо напрашивается здесь параллель между средней частью этой арии (пример 3) и шестой интермедией фуги как её музыкальным и художественным прообразом.

Пример 3
«Страсти по Иоанну» BWV 245,
ария сопрано «Ich folge dir» № 9

The musical score for soprano solo (Sopr. solo) shows six staves of music. The soprano part is in treble clef, and the basso continuo part is in bass clef. The lyrics are written below the soprano staff: 'Be - för-dre den Lauf und hö - re nicht auf, be - för - dre den Lauf und'. Measures 49, 50, 51, 52, 53, and 54 are shown, each with a measure number above it. The music consists of eighth and sixteenth note patterns.

Загадочный ответ, который дал Иисус Петру, «комментируется» в девятом тематическом разделе фуги (пример 4).

Пример 4
Токката (с фугой) d-moll BWV 565,
девятый тематический раздел фуги

В этом тематическом разделе устанавливается тональность g–moll. Тема проводится в среднем голосе; в педальном голосе звучит доминантовый органический пункт, а в верхнем появляется новое противопоставление, основанное на шестнадцатых. Интонационно это противопоставление является зеркальным отражением темы, но *отражением искажённым*. Появление такого противопоставления вполне соотносимо с ответом Иисуса, адресованным Петру: «...куда Я иду, ты не можешь теперь за Мной идти». Длящийся звук *d* в педальном голосе, как предвестник вынужденной, насильственной смерти, поясняет скрытый смысл Его слов: «...после пойдешь за Мной» [1] (Ин 13: 36).

Как поясняет *М. Друскин*, в тех случаях, когда речь идёт о смерти, но не как о блаженной кончине,

сущий сладостный покой, а о вынужденной смерти, связанной со страданием, Бах в своих вокально-инструментальных произведениях применяет особые экспрессивные средства. Одно из таких средств, наряду с нисходящим движением и резкими речевыми интонациями, — «застывшие» на долгое время звуки как, например, в канте «Christ lag in Todesbanden» № 4. В оркестровых басах и в вокальной партии баса такие звуки появляются на слово «dem Tode...» («смерть...») (Versus V) [2, с. 20–21]. В «Страсти по Иоанну» «застывшим» звуком в оркестровых басах Бах сопровождает речитатив Евангелиста № 6, сообщающего, что: «Тысяченачальник и воины иудейские схватили Его» («Die Schar aber und der Oberhauptmann») (пример 5).

Пример 5
«Страсти по Иоанну» BWV 245,
речитатив Евангелиста № 6

№ 6. Evangelista

В фуге далее следует *седьмая интермедиа* — одна из самых развитых и сложных (такты 95–105). Начинается эта интермедиа после девятого тематического раздела без разделительного каданса и по содержанию определённо связана с ним. В данной интермедии словно продолжают «комментироваться» события Тайной вечери, во время которой Иисус предрек Петру его отречение: «...истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды» [1] (Ин 13: 38).

В верхнем голосе седьмой интермедии появляется выразительный мотив в тональности g–moll.

Во втором проведении этот мотив поднимается в более высокий регистр и сопровождается отклонением в c–moll. В третий раз этот же мотив, но в изменённом виде, звучит в нижнем мануальном голосе (пример 6). Он обозначен мною (для удобства восприятия) во всех трёх появлениях пунктирной лигой. Определённо напрашивается здесь аналогия с имитацией крика петуха, пропевшего трижды. По традиции, идущей от народных инсценировок, крик петуха имитировался именно в верхнем регистре.

Пример 6
Токката (с фугой) d–моль BWV 565,
седьмая интермедия фуги

инт. 7

96 97 98 99 100

Org.

На последних долях второго такта в среднем голосе седьмой интермедии визуально выделяется мотив, основанный на восходящей октаве с последующим никнущим секундовым завершением, *появившийся прежде, чем «в третий раз пропел петух»*. Обратим внимание на интересную деталь: *Отречение Петра от Христа* описывается во всех четырёх Евангелиях: [1] (Мф 26: 69–75; Мк 14: 66–72; Лк 22: 55–62; Ин 18: 15–27). Но это описание

отличается в деталях. Марк, например, пишет, что Пётр отрёкся от Иисуса, когда петух пропел во *второй раз*.

В «Страстях по Иоанну» в повествовании Евангелиста (№ 12c) после реплики слуги: «...не я ли видел тебя с Ним в саду?» Бах передал отречение Петра похожим мотивом на слова «Ich bins nicht» («Нет, это был не я») (пример 7).

Пример 7
«Страсти по Иоанну» BWV 245,
из речитатива Евангелиста № 12c

2

Petrus

Ich bins nicht.

Обратим внимание на то, что в верхнем голосе оркестрового сопровождения речитатива в момент

отречения Петра звучит мотивный символ свершения в сокращённом виде (e²–gis–a), с которого

(только в тональности d–moll и представленного в полном виде) начинается Токката (с фугой) d–moll.

В первом такте седьмой интермедии в педальном голосе появляется мотив с графическим рисунком креста (он также обозначен мною в примере пунктирной линией). Затем звучит, обрамлённый паузами, мотивный символ истовой веры из лютеранского Символа веры (средневековой песни–парафразы) «Wir glauben all an einen Gott» («Мы верим в единого Бога»). Появление этих двух мотивов в педали ассоциативно соотносится с той же беседой Иисуса с учениками во время Тайной вечери. Иисус, обращаясь к Своим ученикам сразу же после

разговора с Петром, произнёс слова утешения: «Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте» [1] (Ин 14: 1).

Педальный голос в седьмой интермедии затем надолго замолкает, а верхний голос начинает нисходить скорбными стонущими интонациями с многочисленными синкопами и хроматизмами. В «Страсти по Иоанну» подобными интонациями, «будто сам захлёбываясь в рыданиях» (по выражению Друскина), Евангелист, сострадая Петру, сообщает скорбную весть о его отречении от Христа в № 12с (пример 8).

Пример 8
«Страсти по Иоанну» BWV 245,
речитатив Евангелиста № 12с

Adagio

Друскин пишет об этом речитативе следующее: «Обычно в речитативах на один слог приходится один звук. Но там, где прорывается душевная боль, возникает внутристологовой распев, который, как расширенный мелизм, иногда выходит за пределы такта» [2, с. 55]. «Расширенный мелизм» возникает в речи Евангелиста в тот момент, когда он сообщает об отречении Петра, и в «Страсти по Матфею» № 38с, но этот мелизм более краткий и сдержанный. В «Страсти по Иоанну» после речитатива Евангелиста звучит ария тенора «Ach, mein Sinn, wo willst du endlich hin» («О, моя душа, где хочешь ты остановиться») № 13. В ней проявляется интонационная и смысловая связь с предшествующим ей речитативом Евангелиста. Кратко здесь отвлечёмся на историю создания сцены *Раскаяния*

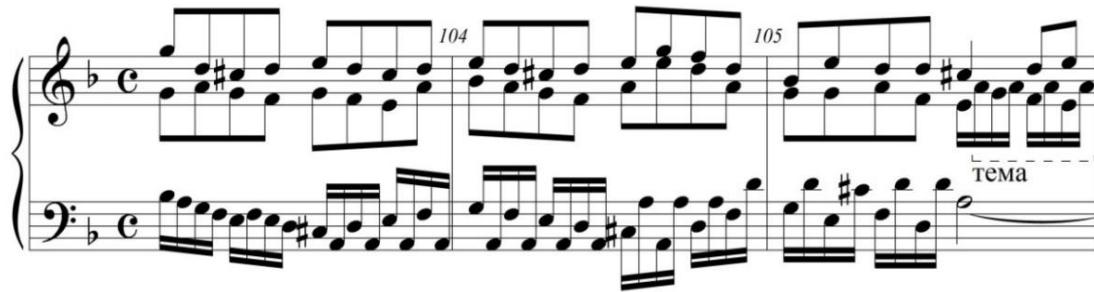
Петра в «Страсти по Иоанну». Сцена *Раскаяния* была добавлена Бахом в третью редакцию «Страсти по Иоанну», исполненных 11 апреля 1732 г. Третья редакция, по сравнению со второй, оказалась ближе к первоначальному варианту этих «Страстей». К сожалению, партитурные автографы ни одной из четырёх редакций «Страстей по Иоанну» Баха не сохранились. Известно лишь начало партитурного автографа (21 страница) пятой (неполной) редакции, начатой Бахом в 1739 году [6, с. 80–81].

Аналогичная интонационная и смысловая связь наблюдается и внутри седьмой интермедии фуги. В следующих тактах интермедии (см. такты 99–102) фактурная ткань пронизана теми же стону-

щими, скорбными интонациями со многими хроматизмами, что и в предыдущих её тактах, но окутанными здесь потоками из шестнадцатых. В последних тактах седьмой интермеди (такты 103–105) скорбь и стенания словно прерываются «хоральным пением». Забегая вперёд, отметим, что в фуге и дальше будут наблюдаться «хоральные вкрапления». В этих тактах седьмой интермеди на смену

хроматизмам и напряжённым интонациям приходят диатоника и просветление. В связи с таким неожиданным переходом к новому аффекту присмотримся в «Страсти по Иоанну» к следующему за арией тенора хоралу «Petrus, der nicht denkt zurück» («Пётр, это не вернёшь назад») № 14 [1, ноты] и сравним «хоральное вкрапление» из седьмой интермеди фуги с данным хоралом из «Страстей» (примеры 9 и 10).

Пример 9
Токката (с фугой) d–moll BWV 565,
седьмая интермедиа фуги

Пример 10
«Страсти по Иоанну» BWV 245,
хорал «Petrus, der nicht denkt zurück» № 14

Choral

Sopr. Alt. Ten. Bas.

Мелодия хорала «Petrus, der nicht denkt zurück» словно растворена в потоке струящихся шестнадцатых в нижнем голосе «хоральной вставки» из седьмой интермеди фуги, а басовый голос хорала узнаем в мелодии верхнего её голоса. Но в верхнем голосе интермеди заявляет о себе и хорал «Christ lag in Todesbanden». Заметим, что Бах в своих «Страстих» мелодии хоралов всегда поручает soprano, а не другим голосам. Проявление хорала «Christ lag in Todesbanden» в данном разделе фуги может быть рассмотрено не как случайное, а даже весьма аргументированное с точки зрения дальнейшего развития сюжета. Аллилуйя из этого хорала постоянно звучит на протяжении всей фуги в теме и прозвучит в разделе Molto adagio в заключение всей Токкаты (с фугой) [5, с. 51–53; 12].

В ораториальных «Страстих» выбор и расстановка хоралов Бахом были обусловлены драматургическими и смысловыми соображениями. Для своих «Страстей» он отбирал наиболее известные и популярные хоралы, а также соответствующие их строфы текста (не обязательно первую). Друскин так высказывался по этому вопросу: «В бауховские времена хоралы принадлежали к достоянию народной музыки. Община пела их в церкви. И когда Бах включил эти напевы в «Страсти», он вернулся к старой традиции, которой авторы новых ораториальных пассионов уже пренебрегали: хоральная мелодия являлась как бы музыкальной цитатой, подтверждающей и разъясняющей содержание пассионов» [2, с. 73]. Бах при создании Токкаты (с фугой) d–moll вполне мог руководствоваться аналогичными соображениями и включить

хорал «Christ lag in Todesbanden» в седьмую интермедию как завуалированную музыкальную цитату, утверждающую и разъясняющую дальнейшее содержание фуги.

Следующий раздел фуги представляет собой слитное построение, состоящее из *десятого и одиннадцатого* проведения темы в d-moll, скреплённое доминантовым органным пунктом в нижнем мануальном голосе (пример 11).

Пример 11

Токката (с фугой) d-moll BWV 565,
10-й и 11-й тематические разделы фуги

The musical score consists of two staves. The top staff is in common time, C major, with a basso ostinato 'tema' in the bass clef. Measures 106, 107, and 108 show various melodic patterns above the ostinato. The bottom staff is also in common time, C major, continuing from measure 107. A dashed line above the staff indicates a continuation of the 'tema' from the top staff. Measures 107, 108, and 109 show more complex melodic lines above the basso ostinato.

Тема в *десятом* проведении вступает в среднем голосе, а в верхнем голосе звучит удержанное из экспозиции противосложение, но несколько изменённое, проявляющее здесь интонационное сходство с хоралом «Christ lag in Todesbanden». Начинается это противосложение с мотивного символа искупления в «закрытом виде» (*cis-d-e-f*). Далее следуют сокращённый мотивный символ распятия (*f-cis-d*) и вновь мотивный символ искупления в «закрытом виде». Символикой страданий пронизана и тема фуги. При *11-м* проведении темы происходит *перестановка голосов по вертикали*: удержанное противосложение спускается вниз, а тема поднимается вверх. Начало темы завуалировано «покачивающимися» интонациями из шестнадцатых. Эти весьма запоминающиеся «покачивающиеся» интонации Бах применит и в органном хорале «Christ lag in Todesbanden» BWV 625 из «Orgelbüchlein». В самой теме в её голосах скрытого двухголосия также происходит перестановка по вертикали: неартикулированный голос смещается вниз, а мелодия с символикой искупления — вверх. Голоса при этом изложены с применением техники зеркального контрапункта — в *перевёрнутом виде*.

В этом сложном (сложенном из 10-го и 11-го проведений темы) разделе Бах посредством скрытых «намёков» и «указаний», но довольно определённо повествует о дальнейшей судьбе апостола

Петра, земное существование которого завершится необычной мученической смертью на кресте, что выходит за рамки текстов Евангелия. В связи с таким поворотом сюжета, вернёмся к *девятому* тематическому разделу фуги (см. пример 4, такты 93–95). Вспомним, что сюжетная линия в нём подвела к стремлению Петра следовать за Иисусом и ответом Иисуса Петру: «...куда Я иду, ты не можешь теперь за Мной идти, а после пойдешь за Мной» (Ин 13: 36). Там, впервые в фуге, появляется доминантовый органный пункт в нижнем педальном регистре, — как предвестник вынужденной, насильственной смерти. Здесь, в состоящем из 10-го и 11-го проведений темы разделе фуги, вновь появляется доминантовый органный пункт. Мотивная символика темы и противосложений, как и в прежних тематических разделах фуги, связана с крестной мукой и искуплением через крестные страдания. Применённая в этом сложном тематическом разделе техника зеркального контрапункта иносказательно, путём «намёка», но вполне убедительно способна указать на необычную смерть, избранную Петром в стремлении следовать за Христом. По собственному желанию Пётр был распят на кресте, но не так, как был распят Христос, а вниз головой, потому как Пётр посчитал себя недостойным умереть смертью своего Господа.

*Ил. 2. Распятие апостола Петра
Лионелло Слада, 1601 год*

References

1. The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and the Testament / With the blessing of His Holiness Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. Moscow: Publication of the Moscow Patriarchate, 1992. 1372 p. [Published in Russian].
2. Druskin M. Passion music and J.S. Bach's Missals. St. Petersburg: Publishing house "Music", 1976. 168 p. [Published in Russian].
3. Keller H. The Organ Works of Bach: A Contribution to their History, Form, Interpretation and Performance. Kazan: Publication of the Kazan State Conservatory, 2008. 360 p. [Published in Russian].
4. Nosina V. Symbolism of music of J.S. Bach. St. Petersburg: Publishing house "Music", 1997. 97 p. [Published in Russian].
5. Prodma T. Johann Sebastian Bach: Toccata (with the fugue) d-moll for organ BWV 565. "Johannes Passion". Moscow: Publishing house "Composer", 2018. 114 p. [Published in Russian].
6. Saponov M. Bach's masterpieces in Russian. Moscow: Publishing house "Classical-XXI", 2009. 284 p. [Published in Russian].
7. Schweitzer A. Johann Sebastian Bach. Moscow: Publishing house "Classical-XXI", 2002. 802 p. [Published in Russian].
8. (BWV^{2a}) Alfred Dürr, Yoshitake Kobayashi (eds.), Kirsten Beißwenger. Bach-Werke-Verzeichnis: Kleine Ausgabe nach der von Wolfgang Schmieder vorgelegten 2. Ausgabe. herausgegeben von Alfred Dürr und Yoshitake Kobayashi unter Mitarbeit von Kirsten Beißwenger. Wiesbaden: Breitkopf & Haertel, 1998. P. 311–355.
9. Prodma T. Johann Sebastian Bach. Organ toccatas – the way to passion music // Slovak international scientific journal. Vol. 2, № 40, Bratislava, 2020. P. 24–29. [Published in Russian].
10. Prodma T. Johann Sebastian Bach. Toccata (with the Fugue) d-moll for organ BWV 565 "Johannes-Passion" // Znanstvena misel journal. Vol. 3, № 42, Ljubljana, 2020. P. 12–19. [Published in Russian].
11. Prodma T. Johann Sebastian Bach. Toccata (with the Fugue) d-moll for organ BWV 565. Choral "Vater unser im Himmelreich" // Polish journal of science. Vol. 2, № 27, Warszawa, 2020. P. 3–9. [Published in Russian].
12. Prodma T. Johann Sebastian Bach. Organ toccatas and protestant choral // Polish journal of science. Vol. 1, № 26, Warszawa, 2020. P. 9–14. [Published in Russian].

Notes

1. Johann Sebastian Bach. Johannes-Passion. Clavier: [notes]. Moscow: Publishing house AST: Astrel, 2006. 164 [4] p.
2. Johann Sebastian Bach. Matthäus-Passion. Clavier: [notes]. Moscow: Publishing house AST: Astrel, 2006. 180 [12] p.

JOHANN SEBASTIAN BACH
TOCCATA (WITH THE FUGUE) D-MOLL FOR ORGAN BWV 565
“The Betrayal of Judah”

Продма Т.
Candidate of art criticism
ORCID 0000-0001-9180-1935
DOI: [10.24412/2701-8369-2021-19-2-14-22](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-19-2-14-22)

ИОГАНН СЕБАСТЬЯН БАХ
ТОККАТА (С ФУГОЙ) D-MOLL ДЛЯ ОРГАНА BWV 565
«Предательство Иуды»

Продьма Т.Ф.
кандидат искусствоведения
ORCID 0000-0001-9180-1935

Abstract

This article proposes for consideration the hypothesis: that Toccata (with the fugue) d-moll BWV 565 of Bach is a strictly thoughtful composition and it has content based on the gospel texts. The storyline of this work coincides with the literary basis of German passions.

The article focuses on the reprise of the fugue where develops the passionate plot — *The Betrayal of Judah* which occurred at the Last Supper. The emphasis is shifted to the 9th intermediate and the thirteenth thematic section which ends the fugue. Two Lutheran hymns declare themselves in the fugue: “Vater unser im Himmelreich” и “Christ lag in Todesbanden”. I consider musical-intonation and semantic threads that lead from Toccata (with the fugue) d-moll to “Johannes Passion” BWV 245. These threads extend to the soprano aria “Ich folge dir gleichfalls” and to the chorale “Dein Will gescheh, Herr Gott!” written on the fourth stanza of the anthem “Vater unser im Himmelreich”.

Аннотация

В статье предлагается на рассмотрение гипотеза: Токката (с фугой) d-moll BWV 565 Баха представляет собой строго продуманную композицию и имеет содержание, основанное на евангельских текстах. Сюжетная линия этого произведения совпадает с литературной основой немецких пассионов.

В данной статье внимание сконцентрировано на репризе фуги, где развивается *страстной* сюжет — *Предательство Иуды*, произошедшее на Тайной вечере. Акцент смешён на 9-ю интермедию и тринадцатый тематический раздел, которым завершается фуга. В фуге заявляют о себе на мотивном уровне два лютеранских гимна: «Vater unser im Himmelreich» и «Christ lag in Todesbanden». Рассматриваются музыкально-intonационные и смысловые нити, ведущие от Токкаты (с фугой) d-moll к «Страсти по Иоанну» BWV 245, к арии сопрано «Ich folge dir gleichfalls» и к хоралу «Dein Will gescheh, Herr Gott!», написанному на четвёртую строфи гимна «Vater unser».

Keywords: J.S Bach. Toccata (with the fugue) d-moll BWV 565; the plot *The Betrayal of Judah*; “Johannes Passion” BWV 245; the chorales “Vater unser im Himmelreich” and “Christ lag in Todesbanden”.

Ключевые слова: И.С. Бах, Токката (с фугой) d-moll BWV 565; сюжет *Предательство Иуды*; «Страсти по Иоанну» BWV 245; хоралы «Vater unser im Himmelreich» и «Christ lag in Todesbanden».

Токката (с фугой) d-moll для органа — это на сегодняшний день одно из популярнейших произведений И.С. Баха. Между тем, до XX века мало кто о нём знал и по достоинству оценивал. *Филипп Шпитта* в своей книге о Бахе лишь кратко упомянул об этой токката [11, с. 402–403]. *Андре Пирро* её охарактеризовал как поверхностное сочинение [7, с. 66]. Но уже в начале XX века *Альберт Хейгер* напишет о ней как о хорошо известном произведении [10, с. 248], а английский музыкoved *Парри Хьюберт* характеризует как одно из ярких сочинений Баха [6, с. 64–65]. Правда, внимание Хьюберта было приковано не к содержанию этой токката, а к имеющимся в ней многочисленным извилистым пассажам, массивным аккордам и эффектным исполнительским приёмам. Спустя годы в трудах и других зарубежных исследователей данная токката

будет по-прежнему охарактеризована хоть и как яркое органное сочинение, но незрелое, с незавершённой фугой, слишком упрощённое для стиля Баха, возможно, предназначеннное лишь для проверки технических возможностей какого-то органа, — а, как известно, Бах склонен был тестировать органы.

Одно время в среде искусствоведов обсуждался вопрос: относится ли Токката (с фугой) d-moll Баха к программной музыке или она представляет собой область *абсолютной* музыки? *Пирро*, например, высказал предположение, что она, возможно, относится к программной музыке. В ней он ощущал эффект грохочущего грома со вспышками молний и бури [7, с. 66]. Но полемика по этому вопросу не разгорелась.

В данной статье предлагается на рассмотрение гипотеза, утверждающая, что Токката (с фугой) d-

moll для органа Баха является детально продуманной композицией и имеет конкретную развёрнутую программу [3]. Её литературной основой являются тексты отдельных глав Евангелий от Иоанна, Марка и Матфея, которые Бахом позже будут использоваться при написании либретто для «Страстей по Иоанну». В обрамляющих токкатных разделах этого произведения передаются посредством музыкальной риторики, музыкальной и числовой символики и другими особыми характеристиками страшные события на Голгофе, происходившие во время казни Христа: сотрясение стихий, буря, гром с молниями (о чём писал *Перро*); в фуге разворачиваются события, происходившие на Тайной вечере и после неё, которые составили литературную основу немецких пассионов. Аналитические выводы

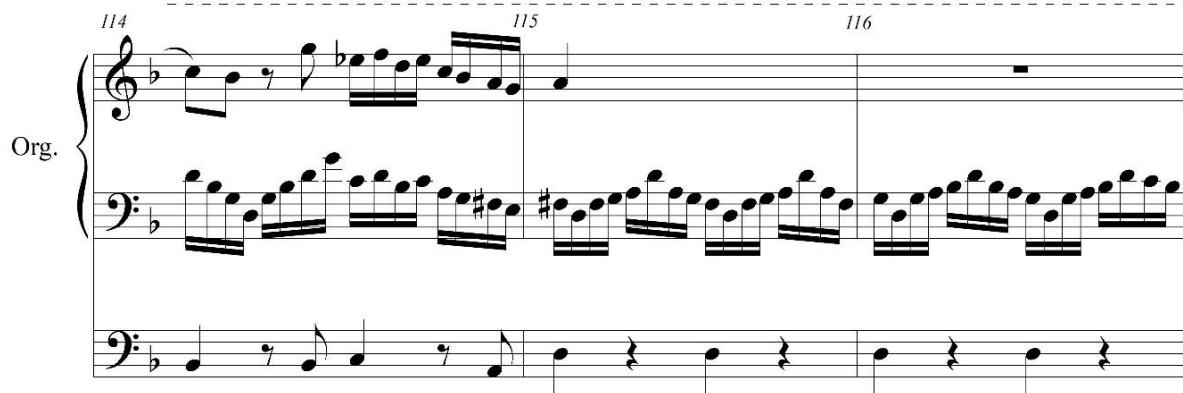
дают основание рассматривать Токкату (с фугой) d-moll как пассион в органной версии, — по сути, исторически новый жанровый вид пассиона, возможно, имевший предысторию в органных токкатах Д. Букстехуде и других выдающихся предшественников Баха.

В настоящей статье внимание сконцентрировано на репризе фуги, в которой развивается Новозаветная история о *Предательстве Иуды*, произошедшем во время Тайной вечери. Основной акцент в развитии данного сюжета смешён на 9-ю интермедию фуги, хотя эта сюжетная линия начала развиваться в последних тихих тонах пятой интермедии.

Реприза фуги начинается с 12-го проведения темы — *solo* в педальном голосе — в d-moll (пример 1).

Пример 1
Токката (с фугой) d-moll BWV 565,
12-й тематический раздел и 9-я интермедия фуги

The musical score for organ (Org.) consists of two systems of staves. The top system is in treble clef, and the bottom system is in bass clef. Both systems are in common time (indicated by 'C'). The key signature changes from C major (no sharps or flats) to D major (one sharp) at the beginning of the fugue subject. Measure 110 starts with a fermata over both staves. Measures 111 and 112 show the entry of the fugue subject in the basso continuo line (bass staff). The subject is a sixteenth-note pattern: (B, A, G, F#), (D, C, B, A), (D, C, B, A), (D, C, B, A). Measure 113 continues the subject in the basso continuo line. The score is labeled '9 интр.' (Intermezzo 9) above the staff.

После проведения темы *solo* в педали начинается *девятая интермедиа* фуги — одна из самых развитых и сложных по композиции и содержанию (такты 111–124). В первом её такте в верхнем голосе звучит мотивный символ свершения в сокращённом виде (*e-d-cis-d*), который дублируется в сексту в нижнем мануальном голосе. Этим дублированным в сексту мотивом завершилась пятая интермедиа фуги (такты 85–86). Бах вернул его в девятую интермедию в качестве музыкально-риторической фигуры *complexio* (греч. — соединение), призванной привлечь внимание к ранее происходившим событиям [3, с. 81]. Поясним ситуацию: в пятой интермедии фуги разворачивалась Новозаветная история, имевшая место на Тайной вечере, во время которой Иисус начал пророчествовать Своим ученикам о предательстве Иуды Искариота: «Не о всех вас говорю; Я знаю которых избрал. Но да сбудется Писание: ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пяту свою» (Ин 13:18) [1]. В девятой интермедии вернулся и мотив с графическим изображением креста, ранее появившийся в педальном голосе седьмой интермедии фуги (такты 95–105); здесь этот мотив проводится в педали дважды.

Прежде чем приступить к рассмотрению сюжета девятой интермедии, обратимся к евангельским текстам, поясняющим причины, побудившие Иуду к предательству. Согласно Евангелию от Иоанна, Иуда Искариот был казначеем общины учеников Христа. Ему был вверен денежный ящик, в который опускались приношения. Иуда при этом страдал сребролюбием и был нечист на руку, иными словами, «... был вор» (Ин 12:6). Иоанн, между тем, был склонен считать, что не сребролюбие Иуды было причиной предательства, а участие сатаны. Правда, по этому вопросу мнения Евангелистов разделились: Матфей и Марк единственной причиной предательства называют сребролюбие Иуды (Мф 26: 14–15); (Мк 14:10–11). Лука склоняется и к сребролюбию, и участию сатаны: «Вошёл же сатана в Иуду, прозванного Искариотом, одного из числа двенадцати» (Лк 22:3). Иоанн умалчивает

о деньгах и настаивает только на участии сатаны: «И после сего куска вошёл в него сатана» (Ин 13:27).

Обратимся к фрагменту из Евангелия от Иоанна, в котором Пётр просит Иисуса омыть ему не только ноги, но и руки и голову, на что Иисус ему отвечает: «...омытому нужны только ноги умыть, потому что чист весь; и вы чисты, но не все. Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все вы чисты» (Ин 13:10). В *девятой интермедии* возвращаются из четвёртой и пятой интермедиий фуги извилистые мотивы (такты 115–119), которые там были связаны с сюжетом *Омовения ног ученикам* [8; 3, с. 65–70]. В девятой интермедии эти извилистые мотивы примут иное значение.

В педальном голосе девятой интермедии *десятикратно* повторяется звук *re*, расчленённый паузами (такты 115–119). Число 10 может указывать здесь на слова Иисуса, обращённые, кроме Петра и Иуды, к другим *десяти* Своим верным ученикам: «...вы чисты, но не все» (Ин 13:10). Слова Иисуса — «но не все» — относились к Иуде. «Не о всех вас говорю; Я знаю, которых избрал» (Ин 13:18). Петру Иисус ещё раньше особо сказал: «...чист весь» (Ин 13:10).

Обратимся к «Толкованию на Евангелие от Иоанна» Святителем Иоанном Златоустом и рассмотрим ситуацию и месторасположение Петра и других учеников на Тайной вечере, во время которой Иисус предсказал предательство Иуды [4]. Как поясняет Иоанн Златоуст, Иоанн и Иуда возлежали рядом с Иисусом. Место же Петра за трапезой было в некотором отдалении от Иисуса. Пётр был обращён лицом к Иоанну, а Иисус был обращён лицом в противоположную от Петра сторону. В связи с этим у нас возникает вопрос: не соотносится ли ассоциативно 12-е проведение темы в педали *solo*, с которого начинается реприза фуги, — *обособленное*, — со «скрытым» указанием на *обособленное* местоположение Петра за трапезой, находившегося в некотором отдалении от Иисуса?

Ил. 1. Тайная вечеря
Василий Козьмич Шебуев, 1836 год.

Поскольку Пётр возлежал не на том ложе, на котором возлежал Иисус, спросить у Него о предателе незаметно для других он не мог; и Пётр сделал знак Иоанну, чтобы тот спросил, кого Он имеет в виду. Иоанн, припав к груди Иисуса, спросил: «Господи, кто это [кто Тебя предаст]?» (Ин 13:25). Напомним: девятая интермедиа фуги начинается мотивом, дублированным в секту в верхних голосах. Этот дублированный мотив вполне способен в качестве музыкально-риторической фигуры *hypotyposis* (фигура звукоизображения) условно, как бы «намёком», отобразить «Иоанна, припавшего к груди Иисуса». «Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту» (Ин 13:26). В педальном голосе интермедиы сразу же появляется и *дважды повторяется* мотив с графическим изображением креста (фигура *complexio* из седьмой интермеди). Значение этого *дважды повторенного* мотива креста может быть сведено к условному изображению «куска хлеба, поданного Иисусом Иуде Искариоту». В верхнем голосе девятой интермеди в этот момент появляется мотив, соответствовавший в седьмой интермеди «крику петуха», возвестившему о предательстве Петра (в вышеприведённом нотном примере он отмечен пунктирной лигой) [9; 3, с. 74–77]. Здесь этим мотивом словно «возвещается» о предательстве Иуды. Иисус понимал, что происходящее на Тайной вечере выходит за пределы понимания Его учеников, которые ни о чём не догадывались. Отчасти поэтому Иисус и сказал им заранее: «Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ин 14:27).

После куска хлеба, поданного Иисусом Иуде Искариоту, в него вошёл сатана. «Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорей» (Ин 13:27). В нижнем мануальном голосе девятой интермеди появляются волнообразные мотивы — словно изображение извивающейся змеи (такты 113–119). Подобными мотивами, помещёнными как правило в средний или низкий регистр, Бах изображал в своих

произведениях библейского змея — аллегорическое изображение сатаны [5, с. 365–366]. Забегая вперёд, отметим, что в «Страстях по Иоанну» он использовал похожие мотивы в оркестровом сопровождении к хору стражников, пришедших пленить Иисуса № 2б [1, ноты], и погрузил весь этот хор (как и почти всю девятую интермедию фуги!) в тональность g-moll.

В педальном голосе девятой интермеди фуги одновременно с «сатанинскими» мотивами появляются, рассечённые краткими паузами, «мотивы шага» [5, с. 350–353] в виде восходящих секундовых интонаций (Иуда, приняв кусок хлеба от Иисуса, тотчас вышел...) (такты 113–114). Эмоционального волнения в этом разделе интермеди, между тем, не происходит. Это может быть объяснимо тем, что в действиях Иисуса по отношению к Иуде Искариоту, происходивших во время Тайной вечери, для Его учеников не было ничего необычного. На востоке было принято, чтобы хозяин пиршства сам наделял хлебом и мясом гостей. Кусок хлеба, поданный Иисусом Иуде, явился «знаком» лишь для Иоанна. И когда Иуда вышел, никто не подумал о нём плохого. Все решили, что как «казначей», он послан купить что-нибудь нужное к празднику или раздать милостыню: «... у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: купи, что нам нужно к празднику, или чтобы дал что-нибудь нищим. Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь» (Ин. 13:29–30). Слова: «... а была ночь» указывают на ночь не только как на время суток. Они имеют и символическое значение: Иуда уходил от Света во тьму (Ин 8:12; 12:35), в «ночь греха» (Ин 3:19). И для всех учеников Иисуса с этого момента тоже наступала «духовная ночь», о которой Иисус говорил им ещё прежде (Ин 9:4).

Извилистые мотивы в нижнем мануальном голосе продолжают покрывать фактурное пространство девятой интермеди. Именно под ними *десятикратно* звучит педальное ре, условно указывающее на *десять верных учеников Христа*, уже

попавших под власть «тьмы» — под власть сатаны. В этих извилистых мотивах доминирует ум.VII₇. Относительно значения для Баха этого остро диссонирующего аккорда *M. Друскин* пишет, что Бах применяет ум.VII₇ в своих «Страстиах» как «сильно-действующее средство драматического напряжения» и использует его только в исключительных ситуациях [2, с. 85–86].

Далее в девятой интермедией мануальные голоса начинают звучать «хоровыми репликами» по подобию хоров *turbae* из баховских «Страстей» (пример 2). На подобных «репликах» Бах позже скомпонует в своих «Страстиах по Иоанну» *turbae* воинов, уже пленивших Иисуса и приступающих с вопросом к Петру: «Ты ли не из Его учеников?» («*Bist du nicht seiner Jünger einer?*») № 12b (пример 3).

Пример 2
Токката (с фугой) d-moll BWV 565,
из девятой интермедии фуги

Пример 3
«Страсти по Иоанну» BWV 245,
хор «*Bist du nicht seiner Jünger einer?*» № 12b

12b Chorus

Allegro

В девятой интермедии фуги данный «хоровой» фрагмент больше соответствует описанию Иоанном сцены пленения Иисуса в саду, в который Он пришёл со Своими учениками, а не допросу воинами Петра. Иоанн сообщает об этом событии следующее: «Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками

Своими. Итак Иуда, взяв отряд *воинов* и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками и оружием. Иисус же, зная все, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищите? Ему отвечали: Иисуса Назорея. Иисус говорит им: это Я <...> И когда сказал им: это Я, они отступили назад и пали на землю» (Ин 18:2–6).

Ил. 2. Поцелуй Иуды
Микеланджело Меризи де Караваджо, ок. 1602 года.

В этих тактах интермеди на фоне «хоровых реплик» педальный голос *ниспадает* пассажами из шестнадцатых, что воспринимается как «комментарий» к словам Иоанна, относящимся к воинам, пришедшим пленить Иисуса: «...они отступили назад и пали на землю» (Ин 18:6). В «Страстиах по Иоанну» в речитативе Евангелиста № 2с подобным

звукозобразительным приёмом — нисходящим пассажем — комментируются эти же слова Евангелиста: «...und fielen zu Boden» («...и пали на землю»).

Ответ Иисуса воинам — «это Я» — по смыслу корреспондирует с *тринадцатым* (заключительным в фуге) тематическим разделом (пример 4).

Пример 4

Токката (с фугой) d-moll BWV 565,
тринадцатый тематический раздел фуги

124

Org.

125

тема

Vater unser im Himmelreich

Christ lag in Todesbanden

Как вестник близкой насильственной смерти, связанной со страданием, в педальном голосе этого раздела звучит на протяжении двух неполных тактов тонический органный пункт [2, с. 21]. Присутствующее здесь сакральное число 2 символикой может быть связано со *вторым Лицом Святой Троицы* — Христом. Сокращение органного пункта во втором такте до двух долей путём «намёка» способно указывать на умаление (унижение) Христа. Число 13 — 13-ый тематический раздел — в христианской символике так же имеет сакральное значение. Иисус был *тринадцатым* в общине со Своими *двенадцатью* учениками, а, как известно, Иуда Искариот ещё присутствовал среди учеников Христа во время Его пленения (Ин 18:5). В противосложении к теме дважды звучит мотивный символ свершения; в первом проведении — в том мелодическом виде, в каком он прозвучал в первых тахах Токкаты (с фугой) (g-f-e-d-cis-d), во втором проведении — в сокращённом виде (a-cis-d).

От *тринадцатого* тематического раздела фуги тянется музыкально-интонационная и смысловая нить к арии сопрано «Ich folge dir gleichfalls» («Я тоже, ликуя, иду за тобой») № 9 из «Страстей по

Иоанну». В этом же разделе фуги проясняется и значение «мотивов шага», на которых основано противосложение; оно звучит здесь в верхнем мануальном голосе. Эти мотивы движутся *однонаправленно* с темой фуги. Похожие мотивы присутствуют и в арии сопрано «Ich folge dir».

Тринадцатый тематический раздел разрастается за счёт очередной «хоральной вставки» (такты 126–127). Интонационной основой этого «хорального фрагмента» в верхнем голосе служит хорал «Christ lag in Todesbanden», а в педальном — хорал «Vater unser im Himmelreich». Бах использовал в нём начальные (наиболее узнаваемые) фразы применённых в Токкате (с фугой) d-moll двух хоралов в качестве музыкальной цитаты, разъясняющей текущее содержание. В «Страстях по Иоанну» эта «хоральная вставка» могла получить развитие в хорале «Dein Will gescheh, Herr Gott!» («На всё воля Твоя, Господи!») № 5 (пример 5), написанном на четвёртую строфу хорала «Vater unser». Обратим внимание на то, что именно в этом хорале в «Страстях по Иоанну» прочно утверждается общая с органный Токкатой (с фугой) тональность d-moll.

Пример 5

«Страсти по Иоанну» BWV 245,
хорал «Vater unser im Himmelreich» № 5

Sopr.

Alt.

Ten.

Bas.

Dein Will ge - scheh, Herr Gott, zu - gleich auf Er-den wie im Him - mel-reich.

Dein Will ge - scheh, Herr Gott, zu - gleich auf Er-den wie im Him - mel-reich.

Вернёмся к девятой интермедии фуги. В её заключительных тактах в мануальных голосах нисходят мотивы из шестнадцатых, погружаемые в «сумрачный» g-moll с последующей модуляцией в «тональность страданий» d-moll, а в педальном голосе появляются и уверенно звучат «мотивы шага» (пример 6). Св. Иоанн пишет, что Иисус не раз

предсказывал Своим ученикам скорое с ними расставание. В первый раз Он предсказал это, пребывая на празднике Кущей (Ин 7:33), а во второй раз — во время Тайной вечери: «Дети! недолго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете прийти, так и вам говорю теперь» (Ин 13:33).

Пример 6

Токката (с фугой) d-moll BWV 565,
из девятой интермедии фуги

122

123

Org.

Размашистые «мотивы шага», сопряжённые с графическим рисунком креста, уже звучали (правда, интонационно в несколько ином виде) в первых тактах девятой интермедии. Там их значение мы соотнесли со словами Иисуса: «...да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ин 14:27). В конце девятой интермедии эти же мотивы по смыслу могут быть соотнесены с теми же Его словами поддержки и утешения.

После «мотивов шага» в педальном голосе интермедии появляется ритмический «мотив мирного блаженства» [5, с. 353–354]. На Тайной вечере Иисус сказал Своим ученикам и следующее: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ин 14:27). Он дал Своим ученикам важнейшее наставление как залог выживания в окружающем их *враждебном мире*: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил

вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собой» (Ин 13:34–35). «Сия есть заповедь Моя. <...> Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин 15:12–13). «Сие заповедаю вам, да любите друг друга. Если мир вас ненавидит, знайте, Меня прежде вас возненавидел» (Ин 15:17–18).

Раньше, на Иудейском празднике Кущей, куда Иисус пришёл как бы тайно, Он учил и проповедовал Писания. Иудеи дивились Его знаниям и говорили: «как Он знает Писания, не учившись?» (Ин 7:15). Иисус многое говорил Иудеям, и многие из народа уверовали в Него и говорили: «когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил?» (Ин 7:31). Услышали фарисеи такие толки в народе о Нём и послали служителей схватить Его. Иисус же сказал

им: «...еще недолго быть Мне с вами, и пойду к Поставшему Меня; будете искать Меня, и не найдете; и где буду Я, туда вы не можете прийти» (Ин 7:33–34). Эти строки из Евангелия от Иоанна подводят нас к заключительным тактам фуги и описанию дальнейших Евангельских событий, которые развернутся в заключительном токкатном разделе Токкаты (с фугой) d-moll.

Фуга завершается не традиционным классическим кадансом, как было принято по законам жанра, а прерывается трезвучием VI ступени (в d-moll) — экспрессивной стилистической фигурой «кускоэзания» (*cadenza sfuggita*), в нашем восприятии, как «намёк» на слова Иисуса: «...будете искать Меня, и не найдёте; и где буду Я, туда вы не можете прийти». Заключительный токкатный раздел, который начнётся после прерванного каданса в завершение фуги, повернёт сюжетную линию Токкаты (с фугой) d-moll к страшным событиям на Голгофе [3, с. 103].

References

1. The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and the Testament / With the blessing of His Holiness Patriarch of Moscow and All Russia Alexy II. Moscow: Publication of the Moscow Patriarchate, 1992. 1372 p. [Published in Russian].
2. Druskin M. Passion music and J.S. Bach's Missals. St. Petersburg: Publishing house "Music", 1976. 168 p. [Published in Russian].
3. Prodma T. Johann Sebastian Bach: Toccata (with the fugue) d-moll for organ BWV 565. "Johannes Passion". Moscow: Publishing house "Composer", 2018. 114 p. [Published in Russian].
4. St. Johann Chrysostom. Interpretation on the Gospel of John. Moscow: Publishing house "Siberian Blagozvonnitsa", 2010. Conversations 71–73. Internet Source: www.ispovednik.ru. [Published in Russian].
5. Schweitzer A. Johann Sebastian Bach. Moscow: Publishing house "Classical-XXI", 2002. 802 p. [Published in Russian].
6. Parry H. Johann Sebastian Bach: The Story of the Development of a Great Personality. New York–London: Publishing house "Putnam", 1909. 584 p.
7. Pirro A. L'orgue de Jean-Sébastien Bach. Paris: Publishing house "Fischbacher", 1895. [187]–204 p.
8. Prodma T. Johann Sebastian Bach. Toccata (with the Fugue) d-moll for organ BWV 565 "According to the Gospel of John" as a subject of musical and theoretical analysis from the perspective of musical rhetoric. Musical art and education, Moscow, 2021, vol. 9, no. 1. 2021. P. 73–85. DOI: 10.31862/2309-1428-2021-9-1-73-85
9. Prodma T. Johann Sebastian Bach. Toccata (with the Fugue) d-moll for organ BWV 565 "Peter's renunciation of Christ". Deutsche internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft. Deutschland, vol. XIX, no. 2. 2021. P. 4–13. [Published in Russian].
10. Schweitzer A. Johann Sebastian Bach. Leipzig: Publishing house "Breitkopf & Härtel", 1908. 844 p.
11. Spitta P. Johann Sebastian Bach. Band 1. (Book I–IV). Leipzig: Publishing house "Breitkopf & Härtel", 1921 (1873). 784 p.
12. Williams P. BWV565: A toccata in D minor for organ by J. S. Bach? Early Music, vol. 9, no. 3. 1981. P. 330–337.
13. Wolff Ch. Johann Sebastian Bach: the learned musician. New York–London: Publishing house "Norton & Company", 2001. 640 p.

Notes:

1. Johann Sebastian Bach. Johannes-Passion. Clavier: [notes]. Moscow: Publishing house "AST": Astrel, 2006. 164 [4] p.

CULTURAL SCIENCES

THE VARIABILITY OF APPROACHES IN THE CHURCH'S IDENTIFICATION IN THE RUSSIAN THEOLOGY OF THE 20-TH CENTURY

Zelisko S.

Postgraduate Student

Department of Church Historical and Practical Disciplines

Faculty of Theology

Kiev Orthodox Theological Academy

01601, 6 Trokhsviatytska Str., Kyiv, Ukraine

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-19-2-23-26](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-19-2-23-26)

Abstract

At all times one of the key problems of Orthodox ecclesiology has been the definition of the concept "Church". Certainly, it reflects a certain theological-ideological paradigm that might change depending on socio-historical circumstances. Such legitimacy is well illustrated by the ecclesiological experience of the Moscow Patriarchate of the 20th century, especially in the 1990s, when Russian Orthodox Church actively acceded to the introduction and spreading of the political and church mythologem as "Russian World" or "Ruskiy Mir" by the leadership of Russian Federation. However, the line allocated to the Church in this project is abhorrent to the concept of the Church of Christ, and therefore, the article is devoted to first and foremost a comparative analysis of various approaches for understanding the Church of Christ and the impact of these approaches on the formation of ecclesiological doctrine and practice of Russian Orthodox Church (ROC) in the 20th century. The purpose of this article is to demonstrate the various approaches to understanding the Church of Christ and the impact of these approaches on the formation of ecclesiological doctrine and practices of Russian Orthodox Church in the 20th century. The choice of time and place of the object under study is due to the need to analyze the external and internal influences on the understanding of the phenomenon of the Church of Christ. It was specified that within a short period of time (during the 20-th century), the demolition of several centenaries paternalistic system of mutual influences between the Church and the Russian state took place, and a new system of relations was formed in a wide range – from the persecution and attempts of unequal symbiosis and even to mutual emancipation.

Keywords: ecclesiology, theanthropism, love, Eucharist, Kingdom of God, conservatism, novelty, modernism.

Recently, almost everyone can see the results of the increasing aggressive policy of the Russian Federation, one of the main activities of which is the introduction of the myth "Russian World" or "Ruskiy Mir". One of the leading roles in this project is played by the Russian Orthodox Church, but such a role, which has been assigned by the creators of this geopolitical project to the mentioned Church, is far repugnant to the concept of the Church of Christ. Thus, it is necessary to understand how the Russian Orthodox Church defines the idea of the "Church" as a whole. For a more precise explanation of this idea, the period when the most intensive transformation of the definition of the "Church" occurred and the document "The Foundations of the Social Concept of the ROC", adopted in 2000, had become the essence of it.

A certain number of relevant microworks are devoted to this topic. The general problematics of the transformation of the Church's consciousness was defined by the modern Ukrainian theologian Archimandrite Kyrylo [1] in his book "Meta-ecclesiology: Chronicles on Church Awareness". Much work had already been done directly in the analysis of the ecclesiological views of Russian theologians by prof. Lev Shaposhnikov [2], however, in his major work, he skipped some key theologians, most notably researchers who worked outside Russia. But to some extent this gap was supplemented in his work about the ecclesiology of archpriest Alexander Schmemann and John

Meyendorf [3]. Somewhat deeper, he analyzed the views of archpriest Nikolay Afanasyev [4], as the founder of Eucharistic Ecclesiology. The scientific work of hieromonk Joseph [5] is devoted to the subjects of defining the term "Church" via the term "community". Also, Anastasia Babayeva [6] dealt with this topic of the formation of the social doctrine of the ROC. General analysis of ideological trends in Russian Orthodox Church in the 20th century (conservative, modernist, fundamentalist) are analyzed in the articles of Andrey Rogozianskyi [7; 8; 9]. Various ideologies, or as the author calls them, certain types of religious life on the example of the ROC are contemplated by Maria Skobtsova [10].

The purpose of this article is to demonstrate the various approaches to understanding the Church of Christ and the impact of these approaches on the formation of ecclesiological doctrine and practices of Russian Orthodox Church in the 20th century. The choice of time and place of the object under study is due to the need to analyze the external and internal influences on the understanding of the phenomenon of the Churcze of Christ. It was in the 20th century in Russia that, over a short period of time, the disassembling of several hundred years of paternalistic system of mutual influence of the Church and the State occurred, and, at the same time in that period new systems of relations were forming, which fundamentally had both the persecution and

attempts of unequal symbiosis, and greater or less mutual emancipation.

Along with the further spreading of extremely scholastic views on the essence of the Church, the main peculiarity of the 20th century appeared to be the number of theological and philosophical works that referred to the ontological approach basing on the Holy Father's paradigm. During the 20th century, several major approaches have crystallized in the process of deconstructing of a limited approach to the Church as a community of people [5]. They can be defined as conservatism, novelty and modernism. The conservative line of theology became a reference point for all other trends in Russian theology of the 20th century. And the criticism of conservative items had shaped two other lines in Orthodox ecclesiology – novelty and modernism. For better understanding of their relationships, firstly, it is necessary to consider conservatism more deeply.

The conservative line of the early 20th century's ecclesiology was admitted first of all by that it held fast to the positions being formed in the scholastic theology. Conservatives or orthodoxes tried to explain the essence of the Church that had been based on the concept of "community" (community of believers). They treated the Church as a quasi-state system and looked upon it as a group of people united by certain worldviews, discipline, ground rules and "canon". In other words, they used a legal approach. In this case Church is not something completely exceptional, but It belongs to a set of social formations in the state or states. But this approach describes only the way we deal with the world around us and does not explain us nature of Church. The foundations of this approach were formed on the basis of the scholastic outlines of Western Christianity, and Protestantism was above all [11]. After the Emperor Peter I had imposed the paradigm of caesaropapism in the system of relations between Church and State in Russia, the Russian Orthodox Church took this as a norm for its internal life, as a modus vivendi for the Church namely, and, hence, the understanding of its nature. That is why orthodox conservatives are for the definition of the Church as a particular community of people. The main theologians who have introduced this approach into Russian theology are the metropolite Platon [12] (1737-1812), metropolite Makariy (Macarius) [13] (1816-1882), metropolite Filaret [14] (1783-1867).

In this context, it's proved by the professors and tutors of spiritual schools in their using the works of the abovementioned "conservatives" throughout the 20th century as the exclusive source of their textbooks and textbooks. Intrinsically such unoriginality cannot go beyond simple compilation. So, in this case adherents (zealots) can be considered as a separate kind of conservatives. They are characterized by a simplified interpretation of the faith confession under the circumstances of the Church's persecution. The essence of such adherence is anti-modernity or tradition. Namely, they did not originate the theological works concerning the nature of the Church, confining themselves only to church-political ones [15]. Some researchers also define an additional group among conservatives, which is called as fundamentalism [7], but, as Martin Marty [16]

points out, fundamentalism is not a part of conservatism or traditionalism. Mainly it contradicts them both, appealing to certain basic forms of historical Christianity.

The definition of the Church suggested by conservative theologians through the notion of "community" has been traced not only in conservative circles, but also among novators and modernists. Although most theologians of the 20'th century denied the Church's understanding through the concept "community", but some researchers, especially such famous theologians as St. Hilarion [17] (early 20th century) and Alexander Borisov [18] (late 20th century) after having rethought it, kept using this concept. The archpriest Evgenii Akvilonov [19], theologians Nikolai Afanasyev and Alexander Shmeman [20; 21] strongly opposed to this understanding of the nature of the Church. Criticizing the scholastic formulation of the nature of the Church through the notion of community, these theologians suggested paying attention to the more essential aspects of the Church's being. Particularly, following the thinker and theologian of the 19th century Aleksey Khomyakov, they had turned back from the legal understanding of the Church to the ontological one, and subsequently formulated the basic lines with the help of which they were trying to describe the Church, being emanant on Its nature.

Basing on the definition of prof. Lev Shaposhnikov [4], according to whom the theological novelty is the development of fundamental abiding principles of Revelation, the following ways of understanding the nature of the Church can be seen which belong to innovation. First of all, many theologians refer to the definition of the Church as the Christ's Flesh as we can find in the epistles of Ap. Paul (Eph. 1:22-23; Eph. 4:12; Rom. 12:5; Col. 1:18, 24). Starting from the work of archpriest Evgenii Akvilonov [19], this definition begins to appear more or less emphasized among the most prominent Russian theologians of the 20'th century. However, on this aspect of the nature of the Church prot. Vladimir (later known as St. Hilarion (17 1912), the priest Pavel Florensky [22] concentrated in their works, as well as the representatives of the "Paris school" Vladimir Lossky [23] and Pavel Evdokimov [24]. Particularly important is the fact that in the "The Basis of the Social Concept" of the ROC [25] the formulation of the concept of the Church as the Flesh of Christ is indicated in the first paragraph with a literal citation of the Ap. Paul's Epistle to Ephesians.

Even more often in the writings of the 20th century theologians such an aspect of the Church as the effective presence of the Holy Spirit inside Church is taken into account. This issue is studied by theologians of the early 20th century (archpriest Evgenii Akvilonov [19], hieromartyr Hilarion [17], prot. Sergei Bulgakov [26], as well as by theologians of the second half of the 20th century (prot. Nikolai Afanasyev [27], Pavel Evdokimov [24], prot. John Meyendorff [28], prot. Alexander Shmeman [21]. Particular attention should be paid to the priest Nikolai Afanasyev's achievements, whose ideas became the starting point for the development of one of the lingua franca or fundamentals of the 20th to 21st centuries, – the eucharistic ecclesiology [29]. This

approach is also stated in “The Basis of the Social Concept” of ROC. In addition to the remark that Holy Church is considered to be the Christ’s Flesh, thus it is pointed out that Holy Spirit is acting inside Holy Church (§I.1).

Besides the emphasizing on the real presence of Holy Spirit in Church, Russian theologians had also formulated the concept of the Church in combining this aspect with Jesus Christ’s presence in the Church. This approach was used in the works written by Evgenii Akyvilonov [19], archbishop Hilarion [17], prot. Sergey Bulgakov [26] and Vladimir Lossky [30]. Also, some Russian theologians of the 20th century paid special attention to the active participation of both God and Man in the Church, namely the “divine-humanity” of the Church. The essence of this thought is that Church is two-natural or dyophysitical. It combines two natures and two wills – divine and human. But this “dyophysitism” or “divine-humanity” of the Church is different from the divine human nature of Jesus Christ, because the human component (flesh) in Church is not perfect. It is perfected only willingly through the union of the Holy Spirit with God. Firstly, Vladimir Lossy, prot. Evgenii Akyvilonov and priests Pavel Florensky [22], Pavel Evdokimov [24] can be called supporters of this view in the 20th century. The same viewpoint is also recorded in the “The Basis of the Social Concept” of ROC (§I.2).

In the 20th century in the Russian theology the ideas of the Eucharistic centrality of ecclesiology became widely spread, which had been suggested by the famous theologian Henri-Mari Sonier de Lubac [31]. His output subsequently influenced the works of John Romanides and metropolite Kallistos Ware, but the greatest development of this line can be seen in the writings of prot. Nikolay Afanasyev [32]. A bit different emphasis of the Eucharistic ecclesiology can be found in the writings of prot. Alexander Shmeman [20] and John Meyendorff [28] – they no longer focus on the Eucharistic community, but on the Eucharist as such. Love is perhaps the most vivid ontological concept of the Church’s being. For the majority of theologians, love acts as a principle that unites members of the Church into a single Flesh of Christ for communion with the Triune God. In the Russian theological tradition, prof. Alexander Belyaev [33] was the first who focused his attention on the notion of Love as the principle of the Church’s being in the late 19th century. He was probably a supporter of Slavophile ecclesiology. In the 20th century prot. Vladimir Troitskiy [17], prot. Nikolai Afanasyev [34] and Pavel Evdokimov [24] concentrated their attention onto the notion of love in the definition of the Church.

Modernism has become the third approach to the formation of the concept of the Church. This “new religiosity” was of the essence in it and generally there was a tendency to rationalization, – “faith via mind”. History, human relationships were treated psychologically and pragmatically, outside the scope of spiritual influences. In fact, the religious part of their views was mostly expressed by the doctrine about sacred gifts of the Holy Spirit. Then, very often modernists proceed from the Church’s social needs and tasks and, therefore,

they focus on the concept of community, in particular eucharistical. This can be seen in the writings of prot. Alexandre Borisov [35] and Georgii Kochetkov [36] in the late 20th century, and prot. Nikolay Afanasyev is considered to be their ideological mastermind (inspirer). One more feature of them is their definition of the Church as a community (renovationists of the 1920’s as a priest Alexander Borisov [18], as they fully rely on the definition of 19th century conservative theologians. One of the main features of the modernistic trend in defining the Church is their appeal to the image of the Kingdom of God. Prot. Pavel Svetlov [37] was the first in the 20th century who elaborated the question of defining the Church as the Kingdom of God in his work. The peculiarity of his approach was his deep integration of social motives. He had tried to move away from the Augustan radical opposed ideas of *civitas Dei* (Church) and *civitas terrena* (earthian human formations).

As might be noticed, among the theologians’ approaches to defining the concept of the Church, there is a fairly clear tendency to divide into three main categories as conservatism, novelty, and modernism. The criteria for their intrinsic meaning were the means of definition of concepts as (e.g., the concept of the Body of Christ, love, active presence of the Holy Spirit in Church, etc.) and the connotation associated with their perception (positive or negative). So, one term (e.g. “community”) is used in all trends, although it is assessed as positive by some theologians, while others regard them as negative. Conservatism, in its active or passive scopes, turned out in the Russian theological thought in both the 19th and the 20th centuries. In this research for the studied conservative trend in ecclesiology, the only medium for defining the Church was the concept of community. Due to the specific formation of Russian theology in the 18-19 centuries (closely bonds to state ideology), 20th century conservatives do not focus on the inner spiritual nature of the Church existence. They rethink it more through the prism of interaction with the outside world, in particular society and official authorities. Thus, the tradition is the prevalent factor in their theological writings and they are suspicious and biased about various philosophical formations or constructions. Quasi-religious terms and simulacra as “Holy Rus”, “Third Rome”, “Russian Mir” were developed among the conservatives and only this trend deals not only with theology, but also with issues of social and political life.

References

1. Hovorun C. Meta-Ecclesiology: Chronicles on Church Awareness. 2015. New York: Palgrave Macmillan US.
2. Shaposhnikov LE. Ecclesiology of Protopresbyter N. N. Afanasyev. Veche. Almanac of Russian Philosophy and Culture 2006a;17: 75-83.
3. Shaposhnikov LE. The Ecclesiological Views of Protopresbyters A. Schmemann and I. Meyendorf. Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary 2008;6: 35-45.
4. Shaposhnikov LE. Conservatism, modernism and innovation in Russian Orthodox thought of the

- XIX-XXI centuries, 2nd ed. 2006b. St. Petersburg: St. Petersburg University.
5. Zelisko J. (Priest.). "Deconstruction of the term "community" in the definition of the Church by Russian theologians of the twentieth century". Orthodox Bulletin of the Kyiv Patriarchate 2019;1: 31-35.
6. Babayeva AV. The evolution of the social concept of the Russian Orthodox Church in the second half of the twentieth century. 2003, Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University.
7. Rogoziansky A. Fundamentalism, conservatism and jealousy in the Russian Orthodox Church: Main features and logic of development in the 1990-2000s. 2008a. Available from: <https://rusk.ru/st.php?idar=105476>.
8. Rogoziansky A. The modernist trend in the Russian Orthodox Church: The main features and logic of development in the 1990-2000s. 2008b. Available from: <https://rusk.ru/st.php?idar=105450>.
9. Rogoziansky A. The neo-conservative current in the Russian Orthodox Church: Key features and development logic in the 1990-2000s. 2008c. Available from: <https://rusk.ru/st.php?idar=105458>.
10. Skobtsova M. What is churchness: Favorites. 2010. Kiev: Quo Vadis.
11. Härtel H.-J. Byzantine Heritage and Orthodoxy by Feofan Prokopovič. Eastern Christianity 23. 1970. Würzburg: Augustine.
12. Levshin P. (Met.) Complete works. 1913. St. Petersburg Typohrafiya R. Holyke.
13. Bulgakov M. Orthodox dogmatic theology, 4th ed. 1883. St. Petersburg: Typohrafiya R. Holyke.
14. Drozdov F. (Met.). The vast Christian catechism of the Orthodox Catholic Eastern Church, 66th ed. 1886. Moscow: Synodal Printing House.
15. Snychev I. (Met.) Autocracy of the Spirit: Essays on Russian Identity. Spiritual revival of the fatherland. 1996. St. Petersburg: Tsarskoye Delo.
16. Marty ME. Fundamentalism as a Social Phenomenon. Bulletin of the American Academy of Arts and Sciences 1988;42(2): 15-29.
17. Troitskiy V. Essays on the history of the dogma of the Church. Sergiev Posad: Tip. 1912. Svyato-Troitsk. Sergiyev Lavry.
18. Borisov A. The beginning of the Christian way, 3rd ed. 1997. Moscow: Kram Svyatykh Bessrebrenikov Kosmy i Damiana v Shubine.
19. Akvilonov EP. Church. The scientific definitions of the church and the apostolic doctrine of it as the body of Christ. 1894. St. Petersburg: Typography A. Katanskogo i K.
20. Shmeman A. (Prot.). Church, Peace, Mission: Thoughts on Orthodoxy and the West. 1996. Moscow: Publishing House of the Orthodox St. Tikhon Theological Institute.
21. Shmeman A. (Prot.). Pentecost is the feast of the Church. In: Collection of Articles 1947-1983. 2009. Moscow: Russkiy Put'. Available from: http://www.odinblago.ru/shmeman_patidesatnica/.
22. Florensky P. The of Truth: The Experience of the Orthodox Theodicy in Twelve Letters. 1914. Moscow: Put'.
23. Lossky VN. Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology. With the assistance of mon. Magdalene, 2nd ed. 2012. Moscow: Holy Trinity St. Sergius Lavra.
24. Evdokimov P. Orthodoxy. Modern theology. 2012. Moscow: Publishing House BBI.
25. The Russian Orthodox Church. The Basis of the Social Concept. 2020. Available from: <https://mospat.ru/en/documents/social-concepts/>.
26. Bulgakov S. Essays on the Doctrine of the Church. The Way. The Organ of Russian Religious Thought 1925;1: 53-78.
27. Afanasyev NN. (Prot.) Church of the Holy Spirit. 2010. Kiev: Quo Vadis.
28. Meyendorf I. (Prot.) Orthodoxy in the modern world. 1997. Moscow: Put'.
29. Govorun C. (Archim.). Meta-ecclesiology: chronicles of the Church's self-awareness. 2018. Kyiv: Dukh i Litera.
30. Lossky V. Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Living faith. 1944. Paris: Aubier.
31. de Lubac H. Meditation on the church. Theology 27. 1953. Paris: Aubier.
32. Afanasyev NN. (Prot.). Two ideas of the Ecumenical Church. The Way. The Organ of Russian Religious Thought 1934;45: 16-29.
33. Belyaev AD. Divine Love. The experience of revealing the most important Christian dogmas from the beginning of God's love. 1880. Moscow: Typography L.F. Snegireva.
34. Afanasyev N.N. (Prot.). Church of God in Christ: Collection of articles. 2015. Moscow: Publishing House PSTGU.
35. Borisov A. Whitened fields: Reflections on the Russian Orthodox Church. 1994. Moscow: Put'.
36. Kochetkov G. Introduction to the sacrament (mystagogy). Orthodox Community, 54, 53. 1999. Available from: <https://pravoslavnaya-obshina.ru/1999/no54/article/svjashch-georgii-kochetkov-vvedenie-v-tainstvovodstvo-mi/>.
37. Svetlov P. (Prot.) The idea of the Kingdom of God in its significance for the Christian worldview: Theological and apologetic research. 1905. Sergiev Posad: Svyato-Troitskaya Sergiyeva Lavra.

ECONOMIC SCIENCES

THE ROLE OF INTELLECTUAL POTENTIAL IN THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY: THEORETICAL AND HISTORICAL APPROACH

Muminov N.

Professor, Department of Economic Theory,

National University of Uzbekistan

named after Mirzo Ulugbek

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-19-2-27-29](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-19-2-27-29)

Abstract

The article examines the theoretical aspects of the intellectual potential in the innovative development of the economy. A definite and clear connection between the development of the intellectual sphere and economic growth, the standard of living of the population is described. The role and place of intellectual potential in innovative systems and factors influencing it are analyzed.

Keywords: intellectual potential, intellectual capital, innovative lag, innovative economy, science, scientific and technological development, intellectual product, innovative company.

The effective functioning of the modern economy largely depends on the level of development and use of the intellectual potential of society. The development of the intellectual sphere of a country or region is a decisive factor in competitiveness, economic growth, and an increase in the standard of living of the population. If competitive advantages in the traditional economy provided access to natural sources and raw materials, then in the knowledge economy, innovation and entrepreneurship, which are based on knowledge and information with a developed infrastructure (Internet, databases, telecommunications, mobile communications), became the basis for success. Intellectual potential is a source of new knowledge, ideas, information that can improve the efficiency of the economy as a whole. That is why the study of this topic is especially important today.

It is no coincidence that in the second half of the 20th century the theories of human and intellectual capital were born and developed. Under the influence of new trends in the development of the world economy, the views of leading theorists and practitioners have made significant changes in the understanding of the factors of economic progress and social development[1]. The post-industrial concept of development, along with material and non-material components, in modern conditions also includes a human (intellectual) resource as a national wealth. Such a transformation of the economy is possible because earlier labor was the main thing, and today the third component, intellectual capital, has entered the arena. [2] Economists noted that in general, only 50% of GDP growth can be explained by the growth of labor resources and physical capital, while the other 50% is accounted for by intellectual capital [3].

Studies conducted in the EU showed that enterprises that partially use intellectual capital receive on average 14% of profit, those that use it more actively - 39%, and those enterprises that consider intellectual capital as the basis for strategic development - 61%. It should be noted that in the context of the development of a knowledge-based economy, there is a close inter-

twining of such concepts as "intellectual capital", "human capital", "innovative work", "innovative activity", etc. [4]

The concept of "intellectual potential" is usually defined as "the ability of a system (state, region, enterprise, organization, etc.) to find unique solutions to achieve significant results in the field of science, technology, technology, in the spiritual and moral sphere." [4]. It is the intellectual potential that characterizes the intellectual sphere of a country or region.

Intellectual potential (of a region, country or society) is a special set of resources of social production, which includes material, natural, labor, financial and information resources [5]. Intellectual potential characterizes the initial state of the object, on the basis of which it is possible to realistically determine the promising goals.

Intellectual potential is inextricably linked with material production and is its organic component. The rapid development of the national intellectual potential and the sphere of production of intellectual products can be achieved only with appropriate support from the material component of production. This expresses the driving force of their development and growth.

The experience of developed countries shows: "... scientific, technical and technological progress leads to a reduction in the number of employed in agriculture and industry, a decrease in the cost of the corresponding products, while increasing the welfare of the people." This causes a huge demand for various kinds of services, gives a powerful boost to creativity, retraining of personnel taking into account new entrepreneurial interests and stimulation of innovative solutions. There is a need for a new paradigm of social progress, commensurate with the imperatives of creating a different model of life, a person who is worthy, well educated and highly moral. To achieve this level of social progress is the goal of every renewing society, including ours.

Intellectual capital should be distinguished from intellectual potential, which characterizes the possibilities for its growth. Intellectual capital is a real system of relations that has a certain value as a complex and

mostly intangible asset. Intellectual potential is not only the ability of the enterprise to maintain the achieved level of material and organizational well-being of the company, but also the ability of the enterprise to further develop in all directions, including, if necessary, the ability to globally restructure each link of the system "management - personnel - assets ". The innovation lag is the time interval required for the transformation of intellectual potential into intellectual capital.

An innovative economy can exist and develop only in a knowledge society, in which the acquisition and use of knowledge is determined not only by considerations of economic expediency, but also by the fact that knowledge in various forms is included in the daily life of people [6].

The role and place of intellectual potential in innovation systems is determined by both internal (intangible, need, usefulness, efficiency, manufacturability, profitability, viability, competitiveness, the ability to implement and use as intangible assets) and external factors. Intellectual property and ownership of the product of innovative activity are singled out as a condition for the functioning of the innovation sphere. They determine the main difference between the innovation sphere and the scientific one - the predominance of exchange processes in the transfer of products, a clear designation of property rights when carrying out exchange transactions between entities engaged in innovation activities and entities external to this area. Science acts as the basis for the innovative development of an enterprise and is largely due to the demand on its part. In general, the level of development of science and high technology production determines the scientific and technical development of the country. The products on the market of intelligent products are the results of research and development, sets of design and technological documentation, original technical solutions and software. The main consumer quality of an intelligent product is its ability to generate additional profit thanks to new knowledge with the most effective ways to satisfy consumer needs.

Innovative companies act as organizations that generate new knowledge, applying it to design, manufacturing, trade, service delivery. Almost all types of products include materialized knowledge from complex production equipment to household appliances. In this case, the "intangible" intellectual assets of the organization become the object of management. Today firms, in contrast to the period of industrialization, track the emergence of new scientific knowledge even at the stage of fundamental research and strive to be the first to get positive results at their disposal.

As a result of this rivalry, scientific and technological progress was gradually transformed into a scientific and technological race. The share of knowledge capitalization in the total capitalization indicator of an average modern high-tech enterprise has reached 85% [7]. At the same time, the most valuable knowledge is those that can take the form of protected intellectual property in the form of inventions, industrial designs, utility models, trademarks, PC programs, databases, etc. Innovation is based on new knowledge [8].

For a long time, the production of knowledge as an innovative process was considered mainly as a phenomenon related only to those industries that are characterized by the so-called high technologies, the manufacture of new product samples directly on the basis of specific scientific research and technical developments, technological innovations [9]. However, practice has refuted such a narrow approach to effective poisoning, proving that there can be no industries, industries and companies that do not use new knowledge in the manufacture of products, the provision of services and the management methods themselves. Innovation processes are an indispensable condition for the development of all spheres of activity in the era of technological and information revolutions.

Uzbekistan has a powerful scientific, technical, intellectual potential and, faced with the need to quickly and efficiently solve complex scientific and technological problems of reforming key sectors of its economy, in recent years has given priority to cooperation in this area with leading scientific, academic centers from different countries and regions [10].

Modern universities are institutions of society that professionally solve the problem of translating knowledge into intellectual capital by using the resources of globality, openness, dynamism, and a constant influx of active youth [11].

The Concept for the Development of the Higher Education System of the Republic of Uzbekistan until 2030 indicates that it is necessary to focus on the creation of techno parks, foresight centers, transfer technology centers, startups and accelerators in higher educational institutions by attracting foreign investments, expanding the scale of paid services and other extra-budgetary funds, bringing them to the level of scientific and practical institutions for forecasting and researching the socio-economic development of the relevant industries, spheres and regions [12].

So, the main means of production in today's economy are the intellectual abilities of the individual. With the development of scientific and technological progress, intellectual potential develops into intellectual property, and then into intellectual capital, acquiring autonomy of reproduction and increment.

References

1. Gulnora Zakhirova, Shahnoza Khaibatillaeva. POST-PANDEMIC WORLD AND A NEW LOOK AT EDUCATIONAL SERVICES. Abstracts of the international scientific and practical electronic conference "NEW ARCHITECTURE OF ECONOMIC CONSTRUCTION IN THE POST-PANDEMIC WORLD". Tashkent, 2021. P.283-286.
2. Muminov, N., Hoshimov, P., Kim, T., Zakhirova, G., & Rakhmatov, K. (2020). Restructuring the system of higher education of Uzbekistan in the conditions of increasing the competitiveness of the economy. American Journal of Economics and Business Management, 3(1), 32-40. <https://doi.org/https://doi.org/10.31150/ajebm.v3i1.112>

3. Annie Brooking. Intellectual capital : [core asset for the third millennium enterprise]. London ; Boston (Mass.) : International Thomson Business Press : ITP International Thomson Pub., 1997.
4. Muminov N.G. Features and Structure of the Higher Education in Europe. Modern education (Uzbekistan). №1, 2015. P.4-12. [Published in Uzbek]
5. Khashimova Naima, M.L. Tursunkhodjaev. Development of channels of intellectual capital movement in the system of innovative cooperation in education, science and production. Palarch's Journal Of Archaeology Of Egypt/Egyptology 17(6), 2020. P-3379-3385. <https://archives.palarch.nl/index.php/jae/article/view/1326>
6. Improving the innovative development of the national economy in the context of globalization. A team of authors. Monograph. -T : "University", 2021. 700 pages. [Published in Russian]
7. Stewart T. Intellectual capital - a new source of wealth for organizations. [Electronic source] (URL) https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Econom/stuart/01.php [Published in Russian]
8. Muminov N.G., Umidakhon R. INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION AS A FACTOR IN IMPROVING THE COMPETITIVENESS OF THE NATIONAL ECONOMY. Problems and ways of transforming national economies: new challenges of investment and innovation breakthrough. Abstracts of the republican scientific and practical electronic conference. 2019. P. 97-100.
9. Khashimov P.Z., Umarova D.A. TRAINING INNOVATIVE KNOWLEDGE IS AN IMPORTANT REQUIREMENT OF A MODERN MARKET ECONOMY. Abstracts of the international scientific and practical electronic conference "NEW ARCHITECTURE OF ECONOMIC CONSTRUCTION IN THE POST-PANDEMIC WORLD". Tashkent, 2021. P. 307-310. [Published in Russian]
10. Erkin Zakhidov. Scientific and technical potential of the EAEU: prospects for Uzbekistan. [Electronic source] (URL) <https://review.uz/post/nauchnotexnicheskiy-potencial-eaes-perspektiv-dlya-uzbekistana> (data of access: 02.09.2021) [Published in Russian]
11. Nozim Muminov. RISE AND DEVELOPMENT OF UNIVERSITY EDUCATION IN UZBEKISTAN. Abstracts of the international scientific and practical electronic conference "NEW ARCHITECTURE OF ECONOMIC CONSTRUCTION IN THE POST-PANDEMIC WORLD". Tashkent, 2021. P. 329-333
12. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan "On approval of the Concept for the development of the higher education system of the Republic of Uzbekistan until 2030" dated October 8, 2019, No. UP-5847 [Published in Russian]

HISTORICAL SCIENCES

ABOUT THE SACRED PLACES OF THE EVENKS OF THE NERYUNGRINSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Bragina D.G.

Doctor of Historical Sciences,

Chief Researcher

Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-19-2-30-33](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-19-2-30-33)

УДК 256(=512.212)(571.56-22):929Савей

О САКРАЛЬНЫХ МЕСТАХ ЭВЕНКОВ НЕРЮНГРИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Брагина Д.Г.

доктор исторических наук,

главный научный сотрудник

Академии наук Республики Саха (Якутия), г.Якутск

Abstract

This article is devoted to the little-studied problem of sacred places in the system of traditional culture of the Evenks, an indigenous small-numbered people of the North who live in a compact group in the village of Iengra of the Neryungrinsky district of the Republic of Sakha (Yakutia), making up the majority of its population. The main occupation of the villagers is agriculture, traditional economic sectors. The article, based on its own field material, examines the ritual actions of the Evenki shaman Savey (Semyon Stepanovich Vasiliev), known in the republic and beyond, whose burial became for the Evenks with. Iengry is a sacred place.

Today, representatives of neo-Shamanism, based on the traditional worldview, use shamanic methods and techniques such as dressing a shamanic costume, helping a kuturuksut (assistant), fighting a tambourine, etc. The author in the article shows that at present the shaman is not only a cultural phenomenon associated with the revival of spirituality of the peoples inhabiting Yakutia, but also a real phenomenon and shamanic practice is quite successfully adapted to modern living conditions. By the end of the twentieth century, shamanism was perceived by researchers as a serious phenomenon of traditionalism, and the population attributed the burial places of shamans to the sacred places of their habitat.

Аннотация

Настоящая статья посвящена малоизученной проблеме сакральных мест в системе традиционной культуры эвенков, коренного малочисленного народа Севера, обитающего компактной группой в селе Иенгра Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия), составляя большинство его населения. Основное занятие жителей села - сельское хозяйство, традиционные отрасли хозяйствования. В статье на основе собственного полевого материала рассматриваются ритуальные действия известного в республике и за его пределами эвенкийского шамана Савея (Семена Степановича Васильева), захоронение которого стало для эвенков с. Иенгры сакральным местом. Сегодня представители неошаманизма на основе традиционного мировоззрения используют такие шаманские методы и приемы, как одевание шаманского костюма, помощь кутуроксута (помощника), бой в бубен и др. Автор в статье показывает, что в настоящее время шаман – это не только культурный феномен, связанный с возрождением духовности народов, населяющих Якутию, но и реально существующее явление и шаманская практика вполне успешно адаптируется к современным условиям жизни. К концу XX века шаманизм воспринимается исследователями как серьезное явление традиционализма, а население относит места захоронения шаманов к сакральным местам их обитания.

Keywords: sacred places, Evenks, indigenous small-numbered people of the North, shaman, neo-Shamanism, traditionalism, Savey, ritual and ceremonial actions, shamanic methods, form of religion.

Ключевые слова: сакральные места, эвенки, коренной малочисленный народ Севера, шаман, неошаманизм, традиционализм, Савей, ритуально-обрядовые действия, шаманские методы, форма религии.

В традиционной культуре народов Сибири, малоизученной является проблема сакральных мест. К сакральным местам относились так называемые открытые места, через которые проходили дороги ведущие в Верхний и Нижний миры. Открытые же

места выбирались для установления контактов с иными мирами посредством ритуалов [1]. Сакральный мир эвенков находится в тесной взаимосвязи с окружающей их природной средой, отсюда одухотворение и очеловечивание явлений природы. В

настоящей статье делается попытка, на основе собственного полевого материала рассмотреть ритуальные действия эвенкийского шамана Савея (Семена Степановича Васильева), захоронение которого стало для эвенков с. Иенгры сакральным местом.

Нерюнгринский район расположен на юге Республики Саха (Якутия). В этом районе в селе Иенгра, составляя большинство его населения, компактной группой живут эвенки, представители коренного малочисленного народа Севера. Слово Иенгра, в переводе с эвенкийского языка означает «ветвистые рога». Село Иенгра является единственным сельским поселением Нерюнгринского района с традиционным укладом жизни. Оно было основано в 1926 году и расположено в 63 км от города Нерюнгри. Основное занятие жителей села, это сельское хозяйство, традиционные отрасли хозяйствования, такие как оленеводство, промысловая охота, клеточное звероводство. Согласно Распоряжения Правительства РФ от 08.05.2009 «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ» Иенгринский эвенкийский национальный наслег Нерюнгринского района РС(Я) включен в перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ, относятся к местностям (территориям) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера. В этнокультурном центре «Эян» с. Иенгра имеется обрядовый зал, где располагается ритуально-обрядовая экспозиция. Целью деятельности этнокультурного центра является сохранение и развитие самобытной традиционной культуры эвенкийского народа. Иенгринская наследная администрация в списке сакральных и священных мест на территории Иенгринского наслега Нерюнгринского района РС(Я) указывает захоронения шаманки М.Н.Кульбертиновой, шамана С.С.Васильева, «Шаман Гору», этнокультурный комплекс «Одекит дуннэ». Шаман гора расположена в 30 км. к западу от с. Иенгра, проезжающие, желая умилостивить духов перевала подвязывают на кустарники, деревья ленточки, кусочки ткани. По сообщениям информаторов в священных местах обитают духи.

В научном мире, как и ранее, наблюдается интерес к изучению шаманизма. Но до сих пор это явление остаётся недостаточно изученным. Классификация ранних форм религии и место в них шаманизма убедительно показаны в труде С.А.Токарева [3]. Рассматривая развитие шаманства как формы религии, он подчёркивает: «Самое трудное в проблеме шаманизма – это опасность впасть в биологизм, приписав основную роль нервно-психической стороне шаманских явлений, упустив из виду историческую, социально обусловленную их сторону. Определить правильное соотношение того и другого – это и будет означать, по сути дела, найти правильное решение вопроса» [4, с.291]. В итоге своих

исследований С.А.Токарев приходит выводу о том, что шаманство особая форма религии, состоящая в «выделении в обществе определенных лиц – шаманов, которым приписывается способность путем искусственного приведения себя в экстатическое состояние вступать в непосредственное общение с духами...» [4, с.271]. Отметим, что эти суждения во многом созвучны явлениям современного шаманизма. И.С.Гурвич также отмечал, что шаманизм у якутов и эвенков неоднократно описывался, но при этом многие стороны этого явления исследованы слабо [2, с.214].

Сегодня представители неошаманизма используют традиционные шаманские методы и приемы, такие как одевание шаманского костюма, помощь кутуруксута (помощника) бой в бубен, танцы и песнопения и др. В связи с поиском альтернативных мировоззренческих ориентаций в фокусе гуманистических исследований находятся ненаучные формы знания и сознания. На мой взгляд, применение современных методик, конечно, способствует познанию шаманской практики, но согласно полевым наблюдениям автора, существуют шаманские тайны, которые они не вправе раскрывать. Если же шаманы действуют в области иррационального, то приходится признавать их действия только на веру. В настоящее время шаман – это не только культурный феномен, связанный с возрождением духовности народов, населяющих Якутию, но и реально существующее явление.

Как полагал С.А.Токарев: «Поскольку шаманство теснее всего связано с врачеванием, шаманские духи суть в то же время олицетворения причин болезней, это духи-вредители, порождающие всякие заболевания. Шаманская теория болезней – болезнь как результат действия духа – отличается, таким образом, от знахарско - магической – болезнь как проникновение в тело больного какого-нибудь материального предмета» [3, с.287]. По свидетельству И.С.Гурвича обычно шаман объявлял, что душу «похитили духи нижнего мира. Вместо ийэ-кут вселялся один или несколько духов, поедавших, по одним сообщениям, оставшуюся душу человека (бор-кут), по другим – тело человека. Само приближение злого духа уже вызывало боль. Камлая, шаман выгонял или извлекал из больного злого духа и разыскивал похищенную кут. В тех случаях, если шаман не мог найти душу данного человека, но хотел обязательно спасти больного, он брал душу у кого-нибудь из родственников больного, который должен был умереть, т.е. совершал своеобразную «транспланацию» души. Часто похищенную душу он «отвозил» на сохранение в верхний мир...» [2, с.221-222].

В последние десятилетия XX – начала XXI вв. известным шаманом в республике и за его пределами был эвенкийский шаман Савей (1936-2013). Как, известно у эвенков была классическая форма шаманства, а термин «шаман» – тунгусское. Так же, как и ранее современные шаманы, как посредники между людьми и духами, совершают полеты с духами – помощниками по Вселенной с различными

целями, чтобы оказать помощь людям. Савей родился в 1936 г. п. Нюкжа Нерюнгринского района в семье потомственной династии эвенкийских шаманов из рода Инытыл («маленький совёнок, который начинает летать вечером»). В 1973 г. на Совете старейшин рода Баттаки было принято решение о принятия Семёном Степановичем шаманства, а окончательно шаманом он стал в 1975 г. Как и полагал С.А.Токарев у большинства народов Сибири развилось настоящее профессиональное шаманство с тенденцией к наследованию шаманской профессии [3, с.291]. Савей жил в эвенкийском с. Иенгра Нерюнгринского района и чаще кочевал по тайге с оленеводческим стадом. Село Иенгра, место компактного проживания эвенков, где и по сей день сохраняется язык и культура эвенкийского народа. Помощницей «кутуруксутом» Савея долгое время была Октябринна Наумова. Другом и помощником был и доцент Северо-Восточного Федерального Университета А.А. Алексеев. Эвен по национальности, носитель эвенского языка, кандидат исторических наук А.А.Алексеев занимается изучением проблем шаманизма у народов Севера. Он считает, что Савей был белым шаманом 12-го неба, посвящённый во все тайны Вселенной, - таких в мире единицы. Шаман 12-го неба обозначает 12-ю степень развития духа. Учитывая интерес жителей западных стран к традиционной системе целительства, к шаманству в частности, Анатолий Афанасьевич с Савеем побывали в некоторых их них. Савей показывал свои шаманские чудеса, а А.А.Алексеев выступал с лекциями о шаманизме, демонстрируя симбиоз науки и традиций. По мнению А.Алексеева, шаманы уже давно пользуются методами нанотехнологий, так как лечат болезни именно на уровне атомов. Функции у шаманов различные. Главная из них - охрана человека, семьи, рода и народа от пагубного влияния злых сил, негативной энергии. Также шаманы оберегают животный и растительный мир, природу, среду обитания человека, климат и многое другое. Шаман, это избранник духов и его астрал может перемещаться во времени и пространстве. Так, по рассказам Алексеева, во время полёта в самолёте астрал Савея мог посещать родные места и проверять наличие и сохранность оленей в стаде в родной тайге. С.А. Токарев же считал, это образная, а не вербальная память. В итоге камлания шаман может сделать, скажем, такой интуитивный вывод: «Вижу оленей в долине на востоке» [3, с.285]. Основоположник советской этнографии считал, что «для шаманизма характерны представления о многочисленных духах. Все и всяческие духи вообще суть олицетворения какого-нибудь реального явления... Прежде всего они олицетворяют нервно-патологические состояния шамана, его обособленное положение в обществе, его необычайные и загадочные способности. ...Дело в том, что возникновение многочисленных и разнохарактерных образов духов часто удаётся проследить почти воочию. Они рождаются в процессе шаманского камлания как идеологическое осмысление того или иного из моментов его как бы на

наших глазах» [3, с.285]. Савей был одним из шаманов, практикующих обрядовые виды и методы шаманского лечения. Анатолий Алексеев в ходе изучения явлений шаманизма уверился, что в огне, зафиксированном на фотоплёнке во время камлания шамана, скрыта исцеляющая сила шаманов. По свидетельству А.Алексеева, ему удалось зафиксировать энергетику человека, предметов и их электромагнитные поля, которые невозможно увидеть визуально, а во время камлания, то есть сакрального действия шамана, «дух огня» проявляет себя как физическое явление. И эти явления не имеют научного объяснения.

В шаманских верованиях народов Сибири существует различие духов. Существует вера в – покровителя шамана, главного духа, избравшего шамана на служение себе, и духов – помощников, второстепенных духов. Эти явления мне дважды довелось наблюдать на камланиях Савея в 2008 г. в г.Якутске, и в 2009 г. в с.Иенгра Нерюнгринского района. Камлания, как и в прошлом, происходили в вечернее время. Для камлания он с помощью кутуркусута (помощницы) надевал шаманский костюм, состоящий из ровдущих обуви, рубахи, штанов с различными металлическими подвесками. Вокруг шамана рассаживались посетители, желавшие исцелиться или решить какие-то другие проблемы. Перед камланием Савей сидя долго курил, затем погружался в транс. Состояние транса является, как известно, неотъемлемой частью концепции шаманизма. Далее он медленно вставал и начинал камлать, ударяя в бубен. Состояние транса сопровождалось обрядовым пением «кутуруу». Таким образом, он отправлялся в путешествие в иные миры, и с духами общался на эвенкийском языке. Он просил духов, чтобы они вылечили больного или исполнили желание просящего. В конце камлания он бросал колотушку в круг, которую поочерёдно должны были поднимать участники камлания и возвращать шаману. После камлания, пока шаман выходил из состояния транса, участники камлания поочерёдно одевали детали его костюма, и имитируя его движения, били при этом в бубен, т.е. совершали действия, символизирующие согласие с шаманом. Затем помощница останавливалась перед тем, кто лечился, и на красную тряпку из бубна выпадали разные черви. Это известное явление, когда шаман «высасывал» болезнь из тела больного, обнаруживая у больного инородные существа в виде червей. В связи с этим стоит вспомнить шаманскую теорию болезней, о которой писал С.А. Токарев. Известно, что шаман «видит» образы духов, к которым обращается, он «слышит» их голоса. В большинстве случаев шаманы сами искренне верят в духов и в свою способность общаться с ними. Кутуркусут (помощница) Савея утверждала, что шаманы могут многое: от исцеления болезней до разрешения разнообразного круга вопросов — как личных (защита от внешних сил, зависти или депрессии), так и общественных (выборы, назначения), также могут влиять на погодные условия. И.С.Гурвич отмечал, что мотивировка от-

дельных действий шамана оставалась не вполне ясной, так как запись мистерии производилась им не слов шамана, а со слов кутуруксуга. т.е. помощника [2]. В личной беседе со мной Савей уточнил, что рассказы помощницы о его чудесах верны на пятьдесят процентов, а во время своего путешествия в космос, он встречается с духами, которые дают ему ответы на вопросы, интересующие просителей, а он сам ничего не знает. «Это всё духи», - объяснял он мне. Согласно С.А.Токареву: «идеологическое осмысление шаманских камланий бывает двойкое: с одной стороны, считают, что духи вселяются в шамана, с другой – душа шамана летит в царство духов» [3, с.288]. Современные шаманы признают необходимость официальной медицины для лечения определенных типов заболеваний, которые сами не могут лечить. Смысл действий шамана, как и ранее, состоит в поисках души. Человек может потерять свою душу, что выражается в виде депрессии, беспокойства и т.д. Такое состояние может быть вызвано разными причинами, но какой бы ни была причина, шаман отправляется на поиски потерянной души.

Таким образом, собственные наблюдения автора за практикой современных шаманов показывают, что шаманская практика пытается адаптироваться к современным условиям жизни. В настоящее время шаман – это реально существующее явление и культурный феномен, связанный с воз-

рождением духовности народов, населяющих Якутию. И, несмотря на борьбу с шаманами в советское время, к концу XX века шаманизм выжил и воспринимается исследователями как серьезное явление традиционализма, а население относит места захоронения шаманов к сакральным местам их обитания.

References

1. Bragina D.G. Transformation of the traditional culture of the Yakuts. Novosibirsk: Nauka, 2016.120 p.
2. Gurvich I.S. The culture of the northern Yakut reindeer herders. Nauka, M., 1977, 247s.
3. Tokareva S.A. Early forms of religion and their development. -M : Nauka, 1964.-399s.
4. Tokarev S.A. Early forms of religion. - M : Politizdat, 1990.-622., P.291

Список литературы

1. Брагина Д.Г. Трансформация традиционной культуры якутов. Новосибирск: Наука, 2016. -120 с.
2. Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленеводов. Наука, М., 1977, 247с.
3. Токарева С.А. Ранние формы религии и их развитие. -М.: Наука, 1964. -399с.
4. Токарев С.А. Ранние формы религии. - М.: Политиздат, 1990. -622., с.291

ON THE HISTORY OF INSTITUTIONALISATION OF THE INDEPENDENT REFORMATIONAL ORTHODOX DENOMINATIONS IN THE DONBAS REGION (1919-1929)

Ruban M.

Postgraduate Student

Department of History and Archeology

*Volodymyr Dahl East Ukrainian National University
93400, 59-A Tsentralnyi Ave., Severodonetsk, Ukraine*

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-19-2-33-36](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-19-2-33-36)

Abstract

This paper investigates the historical circumstances around the process of institutionalisation and organisational development of the independent reformational Orthodox denominations in the Donbas Region in the 1920s. Personnel rotations of bishops and the reasons for the slow development of the Orthodox denominations have been traced on the example of a separate industrial region. It has been proven that a significant factor in the defeat of church reforms was the low intellectual and disciplinary level of the Renovationist clergy of the Donetsk Oblast. It is emphasised that as a result of the revolutionary approach to the widespread implementation of the programme of radical ideological transformations, the representatives of the Renovationist movement, organised within different denominations of the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church and the Renovationist Ukrainian Orthodox Autocephalous Synodal Church, have failed to resolve the key controversial issues of changing the church structure and in fact discredited the cause of the Orthodox reformation. The consequences of this event are present in the religious discourse of the ex-USSR countries to this day. The circumstances of the church division of Ukrainian Orthodoxy in the interwar period are analysed on the example of a separate culturally heterogeneous industrial region on the Ukrainian-Russian border. The study suggests that further analysis of the historical experience of the oppositional reformational clergy in Donbas Region will offer new conceptual approaches to restoring the unity of Ukrainian Orthodoxy.

Keywords: orthodoxy, Ukrainian Autocephalous Church, Ukrainian Conciliar-Episcopal Church, Ukrainian Synodal Church.

Historical events surrounding the establishment of the reformational Orthodox denominations in the Don-

bas are among the little-covered pages of religious historiography of the interwar period. As a result of active repressive measures, multi-confessionalism in Ukraine,

caused by the unresolvedness of many pressing problems of internal church life, was forcibly eliminated. Church division was restored only under the conditions of the liberalisation of state religious policy in the late 1980s. Ultimately, the relevance of studying the historical experience of the reformational Orthodox denominations, circumstances, and personalities of this process acquires exceptional significance in the context of defining new conceptual approaches to the development of the Local Orthodox Church in the region of the Russian-Ukrainian border.

The history of the development of the Renovationist movement in Ukraine, and especially the problem of regulation of state-church relations in the country are presented in the works of a number of historians, religious scholars, including I. Vlasovsky [1], S. Zhilyuk [2], archpriest V. Lavrinov [3], priest I. Soloviev [4], O. Trygub [5], etc. The first fundamental attempt to study the history of the origin, activity, and liquidation of organised Orthodox denominations directly in the Donbas Region in the context of regulation of state-church relations in the region is the dissertation of Luhansk lawyer-theologian O. Forostyuk [6]. The author introduced a wide range of materials on key events, figures of bishops and clergy who played a key role in the religious history of the region, considering regional events against the general context of state anti-religious policy in the Ukrainian Socialist Soviet Republic (USSR). The available extensive factual materials systematised on the basis of currently inaccessible regional archives of Donetska and Luhanska Oblast, contain unique narrative testimonies of participants in religious movements in the region. However, the works of O. Forostyuk do not exhaust the completeness of the outlined task and have certain inaccuracies, the elimination of which requires the introduction of additional new sources into scientific circulation.

Thus, the subject of this study is the history of independent Orthodox denominations in Eastern Ukraine. It involves the solution of the following tasks: firstly, to analyse the ideological basis for the first reformational movements among the Orthodox Church in the Donbas Region; secondly, to cover the process of institutionalisation of the local eparchial network of the Renovationist Synodal Church [7]; thirdly, to find out the reasons for the restriction of reforms and the emergence of the Conciliar-Episcopal Church. The chronological boundaries of the study cover the period from the final establishment of Soviet power in the Donbas Region in 1919 to the time of a radical change in state religious policy in 1929.

The purpose of the paper is to recreate a holistic picture of the institutionalisation of the eparchial network of separate reformational Orthodox denominations in the Donbas territory in 1919-1928 based on a comprehensive analysis of historical sources and scientific literature.

The ideological design of the Renovationist movement in Orthodoxy dates back to 1906, when in the wake of revolutionary events, the Pre-Conciliar Presence was created, a body whose purpose was to carry out preparatory work for the Local Council. The need

for church reforms was obvious, but there were significant differences in their direction. According to the memoirs of Metropolitan of the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church (UAOC) V. Lypkivsky, a large conservative group of Presence members opposed the chief procurator's authority, but saw the revival of church life only in the restoration of patriarchate and reinforcement of hierarchical control over the bureaucracy. The progressive group considered the revival of the principles of conciliarity in life and government as the basis of church reform – the revival of the parish as a legal unit, the main link in church life [1]. The first experience of openly discussing internal church problems, possible reforms, and attempts to normalise parish life in accordance with the challenges of the era at the All-Russian Council of 1917-1918 was unrealised. As a result, a separate layer of scholarly church opposition to revolutionary sentiments was formed. Moreover, in the Donbas Region during the Civil War, some priests supported the Bolsheviks with whom they hoped for social transformations, since many churchmen were persecuted by the White Guards in 1919 [8].

In Ukraine, the actual implementation of the Renovationist ideology was carried out within the framework of the "Canons of the Ukrainian Orthodox Church" approved by the First All-Ukrainian Orthodox Church Council of the UAOC on October 14-30, 1921. According to A. Zinchenko, it had "the significance of the latest Ukrainian church reformation" [9; 10]. However, given the contradictory ordinations of the first hierarchs of the UAOC, the broad support of the new denomination, according to the important statement of I. Vlasovsky, was limited mainly to the Kyiv province [1]. Single UAOC communities arose in rural, mostly Ukrainian-speaking, areas of the Donets Governorate and belonged to the Kharkiv-Slobozhansk (Kharkiv-Donbas) district council. According to official data, 8 parishes of the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church were active in the territory of Donets Governorate at different times, which in general did not exceed 1.5% of the total number of Orthodox communities in the Donbas Region.

In May 1922, a group of clergy, supporters of radical church reforms, accompanied by representatives of the Soviet secret services, visited and persuaded Patriarch Tikhon (Bellavin) to renounce ecclesiastical authority. At that time, he was imprisoned on the territory of his residence as part of the trial of the Moscow clergy. By his resolution, he temporarily handed over the chancellery of the Synod to the said clergy until the arrival of the vicar. The decision to temporarily transfer the chancellery was presented by the Renovationists as a transfer of ecclesiastical authority to them, and on May 29, 1922, the Supreme Church Council of the Russian Orthodox Church (SCC) was established.

The Kharkiv diocese became the ideological centre of the Renovationist movement focused on the Moscow SSC in Ukraine. During 1905-1908 there was a powerful circle of progressive clergy, and on July 14-16, 1922 at the provincial meetings of supporters of church renewal, it was decided to remove Archbishop Nathanael (Troitsky) from the leadership of the diocese

[11]. Since, after the ruling bishop, the vicar bishop of Starobelsk Pavlo (Kratirov) also took an anti-Renovationist position, on August 16, 1922, by order of the All-Russian Central Administration, both hierarchs have been dismissed, and on August 22, the Renovationist diocesan administration was formed in Kharkiv [12]. On December 5, 1922, the episcopal ordination of the Renovationist Bishop of Starobilsk Alexander (Migulin) took place in Moscow [3; 13]. At the end of December 1922, a parish congress of the Living Church Group was held in Bakhmut, and on February 27, 1923, the Living Church Committee was one of the first in the province to be established in Stanychno-Luhansk volost of Luhansk uyezd [6]. On April 12, 1923, the Donetsk Provincial Congress of the Living Church Group took place in Bakhmut, at which the Donetsk diocese was formed [14]. There is also information about the existence of the Taganrog vicariate of the Donetsk diocese, which was headed by the former Bishop of Mariupol Andriy (Odintsov) recruited during the arrest [8; 15]. In August 1923, the leadership of the Donetsk diocesan administration made attempts to establish a vicarial Luhansk uyezd church administration. There is also information about the existence of the Renovationist Mariupol vicariate of the Ekaterinoslav diocese [16; 17; 18].

On February 14, 1923, at a meeting of the First All-Ukrainian Renovationist Congress in Kyiv, the All-Ukrainian Supreme Ecclesiastical Council (ASEC) was established as a body of supreme ecclesiastical authority within Ukraine, the Crimea, and Galicia. On February 16, 1923, the First All-Ukrainian Congress of the Living Church Group took place in Kyiv. On April 29, 1923, the Renovationist All-Russian Council began in Moscow, which officially approved the introduction of a number of reforms of the church system. On October 25-27, 1923, the Renovationist Council of Bishops took place in Kharkiv, at which the establishment of the Ukrainian Synodal Church was proclaimed and the resolutions of the All-Russian Council were ratified. The All-Ukrainian Supreme Ecclesiastical Council was re-organised into the All-Ukrainian Synod, to which Archbishop Andriy Bakhmutsky was elected [19]. During 1923, 40 parishes of the Donetsk diocese were officially registered: 25 in Bakhmut and 15 in Luhansk parishes. In the territory of Starobilsk parish, only 27 out of 150 parishes belonged to the jurisdiction of the Renovationist Church. Notably, on the territory of the Donetsk diocese the parishes of the Starobilsk uyezd belonged to the Kharkiv diocese, the Mariupol – to the Ekaterinoslav diocese, and the Taganrog and Shakhtinsk – to the Rostov diocese. According to S. Zhilyuk, as of January 1924, 190 Renovationist parishes were registered in the Donets Governorate [2].

However, as a result of active measures of the conservative church opposition in the first half of 1924, the Renovationist Church in Ukraine suffered a significant organisational crisis, losing more than 1,000 parishes [2]. According to official data, as of September 1, 1924, only 17 communities were registered in the Bakhmut parish, 11 in Shakhtinsk, 2 in Luhansk, 19 in Taganrog, and 6 in Stalino. In 1925, the Synodal Church lost 13 cathedras, founding only 7 new ones. As of January 1,

1925, the total number of Renovationist communities in the Donetsk province decreased to 85, in particular in the Bakhmut parish – 17, Shakhtinsk – 11, Luhansk – 12, Taganrog – 29, Stalino – 16. Notably, in the Donets Governorate the Starobilsk parishes belonged to the Kharkiv diocese, Mariupol – to the Ekaterinoslav diocese, Taganrog and Shakhtinsk – to the Rostov diocese. In the spring of 1925, the Luhansk vicariate was formed as a part of the Donetsk diocese [3].

On May 14, 1925, a session of the All-Ukrainian Council opened in Kharkiv, at which a resolution on the autocephaly of the Ukrainian Church and the rooting of worship services was adopted. Among the decisions of the Council was also the prohibition of second marriage for the clergy [18]. Thus, Ukrainian reformers were able to minimise excessive reform tendencies in their practice. The intensification of church-institutional processes at this time was also facilitated by the new administrative reform of the USSR, as a result of which the provincial division of the republic was replaced by districts. Due to the urgent need for effective local governance, there was a need to bring the number of Renovationist dioceses to a new administrative division of the USSR. As a result, 36 dioceses were formed within the respective boundaries of territorial districts [14]. As of July 1, 1925, 28 parishes belonged to the Synodal Church in the Bakhmut district, 12 to Luhansk, 29 to Mariupol, and 16 to Stalino. In the spring of 1926, the Stalino diocese of the Synodal Church was the last to be established in the Donbas Region. On May 9, 1926, the episcopal ordination of bishop of Stalino Macarius (Bystrov) took place, and on May 12-13, the hierarch was approved at the diocesan congress in Dmitrievsk [3].

Given the significant organisational crisis in the Renovationist movement, a course was taken to minimise reforms. However, its position has not improved, and the Soviet secret services sought mechanisms to control the activities of other Orthodox denominations. On June 4-5, 1925, in the Poltava region, with the participation of 5 hierarchs, the Lubny Council was held, at which the Conciliar-Episcopal Church was formed – a canonical alternative to the Autocephalous and Synodal Churches. In the Donbas Region, diocesan administrations of the Ukrainian Conciliar-Episcopal Church (UCEC) emerged in Artemivsk, Stalino, and Luhansk, headed by Bishop Augustyn (Verbytsky) with the title of Luhansk and Sumy. In 1927, with the relocation of Archbishop Ioanikiy (Sokolovsky), the jurisdiction of the elevated Archbishop Augustine of Luhansk, extended to all parishes of the UCEC in the Donbas Region [5].

Finally, as of January 1, 1928, within the territory of the 5th district of the former Donets Governorate, there were 3 UAOC communities that belonged to the Kharkiv-Slobozhansk (Kharkiv-Donbas) district council, the Donetsk-Luhansk diocese of the UCEC (39 communities) and a network of Ukrainian Synodal Church consisting of: Starobilsk (59 communities), Mariupol (42 communities), Luhansk (28 communities), Artemivsk (19 communities), and Stalino (18 communities) dioceses. A total of 207 parishes of Renovationist denominations (UAOC, Ukrainian Synodal

Church (USC) and USEC) were registered in the region, which was only 36.8% of the total number of Orthodox communities.

Thus, the historical analysis of the establishment of the Donetsk diocese of the Synodal Church proves that the process of implementing radical church reforms did not find widespread public support among the Donbas population. At the same time, other activities of the clergy of the reformational Orthodox denominations contributed to the reinforcement of religious consciousness and the emergence of a new understanding of deideologised principles of Orthodoxy based on autocephaly, conciliarity, and Ukrainianisation as logical laws of spiritual life. As a result of a failed attempt at a radical approach to church reform, members of the Renovationist Movement de facto compromised the idea of Orthodox reformation, the effects of which are still present in the religious discourse of ex-USSR countries. Further study of this topic will clarify of a number of ethno-cultural, political, linguistic, and canonical issues regarding the Synodal Church in the Donbas Region, which will expand the understanding of the religious worldview of the local population and propose new conceptual approaches to overcoming church division.

References

38. Vlasovsky IF. Essay on the history of the Ukrainian Orthodox Church. 1998. Kyiv: Lybid.
39. Zhilyuk SI. Renewal Church in Ukraine (1922-1928). 2002. Rivne: NaUOA.
40. Lavrinov V. Renewal split in the portraits of its figures. 2017. Moscow: Society of Church History Lovers.
41. Soloviev I. Higher Church Administration. In: Orthodox encyclopedia. 2005. Moscow: Church-Science Centre.
42. Trygub OP. The split of the Russian Orthodox Church in Ukraine (1922-39): Between the State Political Administration and the Reformation. 2009. Mykolaiv: Publishing house named after Petro Mohyla.
43. Forostyuk OD. Legal regulation of state-church relations in Soviet Ukraine in 1917-1941. 2000. Lugansk: RVV LIVS.
44. Pidgayko VG. Luhansk and Alchevsk dioceses. Orthodox encyclopedia. 2020. Moscow: Church-Science Centre.
45. Zinchenko AL. All-Ukrainian Orthodox Church Council. In: V.A. Smoliy (Ed.), Encyclopedia of the History of Ukraine. 2003. Kyiv: Naukova dumka.
46. Meeting of Renovators. 2021. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/4604759>
47. The Living Church. Removal. The Kharkiv diocese. 2021. Available from: <https://www.eparchia.kharkov.ua/>
48. Bordeianu R. The autocephaly of the Orthodox Church of Ukraine: its impact outside of Ukraine. Canadian Slavonic Papers 2020;62(3-4): 452-462.
49. Morariu IM. The new Ukrainian autocephalous church and its image in the ecumenical space. Theological Studies 2020;76(3): 1-6.
50. Bremer T. On the situation of orthodoxy in Ukraine: Ecclesiological and ecumenical implications. Catholica 2019;73(3): 172-187.
51. Bottini R. The issue of the Ukrainian Church's autocephaly: Religious and geopolitical dimensions of the intra-Orthodox conflict. Quaderni di Diritto e Politica Ecclesiastica 2019;22(2): 281-316.
52. Vletsis A. Synodality and autocephaly: An impossible balancing act? – The crisis of synodality in the Orthodox Church and the role of its autocephalous structures. Catholica 2020;74(2): 141-158
53. Brüning A. "Simply orthodox?": Ukraine: The believers and society. Osteuropa 2018;68(8-9): 143-154
54. Mlejnek J. The intertwining of religion and nationalism in the struggle for an autocephalous status for Ukrainian orthodoxy. Czech Journal of International Relations 2019;54(3): 28-48.
55. Brandes D. The mission of Christians for reconciliation in Europe. Theologia Reformata Transylvanica 2020;65(1): 309-344
56. Bodin, A. Church Slavonic or Ukrainian? Liturgical language, tradition, and politics. Teologinen Aikakauskirja 2020;125(2): 176-186.

JURISPRUDENCE

STATE AUTHORITY AS A SOCIAL REGULATOR ROLE OF THE THEORY OF LEGAL FINALIZATION IN SOCIETY GOVERNANCE

Malysheva N.

PhD of Geography,

*Associate Professor, Department of Educational Management,
Institute of Continuing Education for Adult, St. Petersburg, Russia*

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-19-2-37-45](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-19-2-37-45)

Abstract

This article examines the global concept of social management. The work is devoted to a comprehensive study of globalization processes. The study reveals the problems of demographic growth and migration. Particular attention is paid to ways of influencing public relations. The characteristic features of the functions of law are highlighted and described. The article reveals the concept of law as a special social phenomenon. This topic has been little studied and requires further research. New material is generalized, the concept of canivization is introduced into scientific circulation. The author proposes the theory of legal finalization and the theory of the limit of socio-territorial resource intensity, the doctrine of the formation of the society of the future. The work is interdisciplinary in nature, written at the intersection of jurisprudence, sociology, economics, social geography, political science, psychology. The study analyzes the concept of morality, its capabilities in the management of the masses and in the regulation of human relations. A comparative analysis of moral norms, legal norms and their interrelation is given. This view will be of interest to specialists in the field of political technology. Considerable attention is paid to the political, economic and social aspects of social management. The article reveals the content of the theory of legal finalization and the theory of the limit of socio-territorial resource intensity. The key stages of the formation of the society of the future are considered within the framework of the proposed doctrine. The concept of modeling social-territorial objects has been determined.

Keywords: functions of law, moral norms, globalization, social management, the theory of legal finalization, canivization, migration, demographic growth, the theory of the limit of socio-territorial resource intensity, the doctrine of the formation of the society of the future.

The most powerful, enduring social regulator is power. State power, which has wide boundaries of application, in the system of public relations is considered as a special case of organizing the management of society in order to ensure the implementation of state interests (1).

State power is public political power. The organization of power by society itself is a natural process designed to ensure the regulation and protection of a certain order of interaction between a person and a citizen with each other, a person and a citizen with society.

A characteristic feature of the state is the presence of a management apparatus. The reason for the emergence of the management system, as well as the natural essence of the state, should naturally be considered the need to organize power of a social nature for the effective management of society, its affairs and rational protection from external negative impact on state sovereignty (Sovereignty (from the French souveraineté - supreme power, supremacy, domination) - the independence of the state in external affairs and the supremacy of state power in internal affairs (2)).

International acts such as the UN Charter reinforce respect for sovereignty as a fundamental principle of modern international law and international relations.

Currently, the processes of globalization are leading to the erosion of the boundaries of sovereignty, the tendency to strengthen mutual ties between states indicates the strengthening of the role of supranational bodies, for example, the European Union. There is a partial

delegation of sovereign law, in particular, the observance of human rights, which goes beyond the exclusive jurisdiction of a sovereign state, is subject to international regulation.

The universality of the principles and norms of international law and international treaties are reflected in national Constitutions, for example, part 4 of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation, the postulation of the foundations of natural law in terms of human and civil rights and freedoms - in Article 18 of the Constitution of the Russian Federation (3).

Civilizational changes have created society and the preconditions for the creation of law and the state at the will of society, by the power of society, for ordering society itself. The state as an instrument organizes and manages society and its relations, and law as an instrument regulates relations.

The state and law are actually social regulators of public power. Public authorities, in need of effective regulation of society, created law and the state, delegating the powers of the regulatory function of public authority to the regulatory functions of law and the state, as independent regulators with their own goals, objectives, and specifics.

Law and the state have an inextricable relationship - the law acts as a regulator of social relations and the activities of the state, the state, in turn, ensures that the implementation of the norms of law.

Law needs the power to enforce its norms, for example, in the person of the state, although it appeared

long before statehood. The state, in turn, can act as the creator of law, including positive law.

State power has the ability to regulate public relations without using legal means, operating with other social institutions, such as ideology, propaganda, patriotism, nationalism, religion and others. These mechanisms of population management through the regulatory function of state power are used when there is no need or the time has not yet come to translate their political, economic, social aspirations into a legal form. In this case, the principle of systematic work with individuals and society as a whole in the long term is valid. At the first stage, psychological methods of influence are applied, which form a conditional instinct for the normalcy of the perception of the event series in the population, the mood of the electoral society is constantly monitored, the readiness to accept the next stage of state influence on the population is carried out, while it is advisable to hold public hearings, discussions in parliaments of the regional and federal levels.

Only at the final stage is it possible to implement the regulatory function of law with the help of legal means in the regulatory framework to secure the previously planned goal. The authoritarianism of the decisions of state power, clothed in a legal form, dictates the need for execution by all members of society, regardless of their consent. With regard to the factors and conditions of the functioning of society, the state decides on the choice of the form of social regulation, based on the principles of rationality and timeliness of application.

The law has a wide range of impact on a person, influencing his will, determining the consciousness and the nature of the interaction of individuals in society. Law, as a phenomenon, is multifaceted and multidimensional, has a significant number of directions of the right impact through a variety of functions, having a complex organizational structure.

The functions of law determine the role of law in society, directions of influence in the mode of objective reality, and build relationships with the phenomena of social reality.

The social functions of law are realized in various spheres of legal influence, such as political, economic, cultural and others.

It should be taken into account that with legal regulation within the sphere of objective reality in a broad sense, there is the implementation of functions according to social, political, behavioral criteria to ensure citizens' true freedom and observance of the principle of equality and justice.

An important aspect of the implementation of the functions of law is the solution of the tasks set by the state to stabilize and strengthen the political system, which is the guarantor of ensuring the productive functioning of law. In this context of interaction between the state and law, the phenomenon of a strong relationship is clearly traced, which, of course, with further civilizational development will only tend to strengthen. In other words, society gives rise to the development of law and the state, which, in turn, stimulates civil society development. Taking into account the common function of the development of law and the state, the unity

of goals and objectives is clearly traced, aimed at solving socially significant issues.

Law, in fact, being a special social phenomenon, acts as the organizer of the order of social interaction of the population, using functions common to law and the state as tools: political, economic, educational, regulatory and protective. The organization and ordering of social relations should be considered as obtaining a result when achieving a goal.

The regulatory function of law has a static and dynamic embodiment according to the method of influencing public relations.

The dynamic embodiment of the regulatory function of law has an impact on social relations. The state defines the task for the legislator to achieve the state interest, and the law, through the regulatory dynamic function, provides the process of solving the problem to achieve the goal. This function of law is an interim measure in the development and improvement of the institutional foundations of the branches of law that determine public relations of civil, financial, environmental and other nature.

The static embodiment of the regulatory function of law is reflected in the fundamental foundations of the state and society, consolidating the already achieved result in terms of political, social, economic, cultural and other foundations. Vivid examples of the impact of the statistical regulatory function of law are: the consolidation of the constitutional foundations of the political system of the state, the protection of the rights and freedoms of citizens, the principle of separation of powers, the organization of government bodies at the federal, regional and local levels.

The regulatory function of law has two bases - dynamic and static, which, complementing each other, form a whole phenomenon. In turn, the phenomenon is embodied in the formation, regulation, subsequent development and the necessary changes when influencing public relations as a dynamic functional regulator, reinforcing its fundamentalism by defining the status of the subject, legal consolidation of norms, foundations, principles in a static embodiment.

A significant role in the life of society and, as a consequence, in the management of public relations is assigned to social functions.

Social functions are an instrument of social law as a regulator of social relations. They find implementation in the formation and management of public consciousness, political and economic situation in the state. In this context, the specifics of social functions, we can talk about the impact on society of educational, political and economic functions.

An important role in the management of the migratory masses and the indigenous population is assigned to the educational function as determining, regulating and modeling the sphere of human relations, in fact influencing the spiritual sphere of people's consciousness (4).

The state uses the social purpose of functions in its own interests in the formation, regulation, ordering, consolidation in practice of the proper, planned behavior of people to ensure the implementation of ideas that are strategically beneficial to the political system.

In managing the electoral masses, the social functions of law play a significant role as a regulator of social relations, taking as a basis the educational function as a mechanism for influencing the consciousness and will of people, and legal functions as a structure of normative legal legitimization. This model allows the state management apparatus to comfortably operate with political and economic functions to solve socio-economic and political problems in order to implement the internal and external economic and political course of the country (5-10).

At the present stage of development of society, it is necessary to clearly understand that politics and economics are the priority areas of national state influence at the domestic socio-territorial level and the international arena (1). Other spheres of development of society, regulated by law, are a consequence of meeting the needs of a social society in order to maintain stability and peaceful moods. Such needs, regulated by profile functions, include: health care, education, culture, science, a favorable environment, and many others.

The functions of law represent a single system, intrinsically interacting with each other. In this thesis, there is a similarity with the spheres of public life, which, in turn, also closely interact with each other, representing in the general sense a single whole and, in fact, being details in one mechanism.

When managing social masses, the necessary and inevitable symbiosis of social and legal impact should be noted. The regulatory function of law in relation to a separate sphere of social reality has a wider range of action, but at the same time, a separately taken social function of law has a more voluminous form in relation to the individual regulatory function, since it also includes a protective function.

The essence of the protective function of law is defined in its name. The protective function of law is a direction of the legal influence of social purpose, aimed at protecting generally significant foundations and relations, displacing phenomena alien to this society.

As a vivid example of the implementation of the protective function of law, aimed at maintaining the stability of foundations and relations in society, one can cite the regulation of legal relations in the field of human and civil rights to freedom of conscience and religion. Thus, Article 28 of the Constitution of the Russian Federation guarantees everyone freedom of religion, including the right to profess any religion, freely choose, have and disseminate religious and other beliefs. The procedure for the implementation, enshrined in the Constitution of the Russian Federation of human and civil rights to freedom of conscience and religion, is detailed in the Federal Law of September 26, 1997 No. 125-FZ "On freedom of conscience and religious associations". A manifestation of the protective function of law in the regulatory legal system of the Russian Federation was the adoption of the Federal Law of June 29, 2013 No. 136-FZ "On Amendments to Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation in order to counteract the insult of religious beliefs and feelings of citizens". Similar rules of law are contained in the

legislation of a number of countries, for example, Austria, Brazil, Germany, Israel and a number of others. However, it should be noted that these norms of law conflict with guarantees of freedom of speech.

Competent management of the structure of social regulation makes it possible to direct the masses of the people according to the plan of the creator in the right direction through the norms of morality and ethical principles, ethnic traditions, a characteristic way of life, religious belief, social foundations (4). State power acts as a management tool in the hands of a political, national leader capable of significantly influencing the life and fate of both an individual and a whole social, national stratum of the indigenous population and migrants (5-10). The combination of the possibilities of managing state power and the manipulation of the power of persuasion within the framework of traditional values is the most important and, perhaps, the most productive regulator of the social direction.

The complexity and ambiguity of the concept of morality gives a wide range of possibilities for its application in managing the population. Acting as a regulator of human relations, morality forms historical views of a certain orientation, influences the actions of people, instructs in accordance with the laid down principles and criteria for the normality of actions. She supports traditional views of a personal and social nature, unobtrusively educates and convinces society, defining and instilling the necessary opinion and assessment in the time frame of the past, present, and future. The evaluation criteria in this case are the categories of honesty and nobility, conscience and decency, dark and light, evil and good, humanity and justice. Thus, the state has the ability to shift the responsibility and control of actions onto the individual or society as a whole, assuming that society itself will regulate and punish the dissenter, the dissenter. Consequently, all actions of a person and a citizen will be evaluated by society within the framework of ethics, tradition, normality, actually exerting a psychological effect on individual and social consciousness (4).

The norms of morality allow the state to regulate social relations that are not subject to the norms of law. Areas of human relations such as love, friendship, self-sacrifice, selflessness, mercy, generosity, etc. are subject to formation and regulation.

The norms of morality differ from the norms of law by the absence of the right to demand, which means the absence of an attributive component. Manipulation of people's consciousness consolidates in practice the disinterestedness of an act for the sake of peace of mind, increasing social consciousness in relation to the least protected. The one-sidedness of kindness, mercy, complacency, patience in psychological terms should contribute to the inner elevation of a person above society.

From the point of view of the state, one can state the solution of significant social problems in society to reduce the aggressive moods of interethnic, interethnic, interfaith nature. By fostering tolerance, social equality, mutual assistance, including of a material nature, the state relieves itself of part of the financial burden by

shifting it onto the shoulders of ordinary citizens and business, bearing the costs only for propaganda work.

The reflection of the consolidation at the legislative level of the transformation of moral norms into legal norms can be seen in the regulatory and legal field of each sovereign state and international law. The foundations of the constitutional system, legal norms providing for equality before the law of representatives of all ethnic, national, racial, social groups of the population, ensuring the rights and freedoms of man and citizen are the legal implementation of moral norms.

The norms of morality and ethics operate with a person's conscience, acting as a regulator of the internal spiritual balance (4).

Legal norms presuppose the impact on the subject of law, defining his rights and obligations. Legal norms establish the limits of legal impact, the duty of the subject of influence is to fulfill the rights of claim of another person within the boundaries of the interests of the collision. At the same time, legal norms operate with a performance obligation within the limits of the statute of limitations. This kind of characteristic is alien to moral norms, and the operation of a time indicator is carried out in order to increase the force of influence on a person and society, for example, preserving the memory of a person and his deed, respect for historical facts, the achievements of the state.

Moral norms presuppose obligations in relation to each other in the absence of rights, in turn, the norms of law guarantee the right to demand regardless of the desire to use.

The norms of law and morality presuppose the regulation of various spheres of human life in society. The embodiment of feelings, intentions, desires in actions belongs to the sphere of legal regulation, while consciousness, spirituality, untreated in actions, relate exclusively to the sphere of moral regulation within the boundaries of morality.

From the point of view of the effectiveness of the state's preventive measures to prevent offenses, propaganda work by operating with moral norms will always be of primary importance, and the consolidation of the principles of morality at the legislative level will be a consistent action of public administration. Moral foundations give a negative assessment of the offense already at the stage of thoughts, legal norms only during implementation.

Morality for the implementation of the impact has practically no boundaries, affecting the inner world of a person, not subject to legal regulation, regulating the feelings, thoughts, individual actions in society (4).

From a political and economic point of view, the state's provision of governance of the popular masses has a planned, strategic nature in the long term (5-10), involving massive propaganda work using all institutional tools of interaction with social society to regulate the principles of ethics and consistently consolidate in the regulatory and legal field the nature of human and citizen behavior.

The social organization of public relations presupposes the principle of coercion by the authorized bodies of state power to ensure that the individual observes legal norms. The state assigns management and control

over the observance of moral norms in a certain part to the very components of society - the family, educational and cultural institutions, public organizations and associations.

It should be noted that the state's propaganda work to regulate the embodiment of morality and the formation of public opinion is continued in society itself, where society itself evaluates the line of behavior of its members, condemning actions that go beyond the boundaries of moral norms (4).

Globalization, as a phenomenon, presupposes the improvement and convergence of national legislations, in this regard, it seems logical that the direction of consolidating moral norms in the current law (1).

This approach is a rational solution when influencing a person and a citizen through direct control of his consciousness and behavior with the help of moral norms and norms of law.

Thus, it should be noted that the regulatory function of morality has an almost unlimited scope of implementation, regulating the boundaries of human morality, norms of behavior that determine not only his actions, but also the criteria for evaluating actions. The implementation of the regulatory function of morality presupposes direct and indirect forms of embodiment in social regulators.

The regulatory functions of law and morality are characterized by the universality of embodiment, continuity and constancy of impact on relations of a social nature.

Taking into account the fundamental grain in work with the population on the implementation of the regulatory function of natural law, the theory of legal finalization should be taken as a basis. The purpose of the study is the need for an integrated approach in the development of a conceptual vision of the regulatory function of law and its application as a phenomenon that has a special legal status, specificity, unique and characteristic features and the ability to influence society in real time (3).

The achievement of efficiency in the implementation of the regulatory function of law should be considered predictability, orderliness and stability of social and social relations in society in full accordance with the plan of the benefactor. Following each individual according to the instructions, with a gradual transition of consciousness from a conditioned reflex while fulfilling generally recognized written norms towards the unconscious, automatic, unconditioned reflex level of consciousness will be a manifestation of legal finalization (legal finalization is a process in which the ideological aspects of law find their real embodiment, being the basis for the development and implementation of the theory) (3).

The theory of legal finalization as a doctrine of society, law and the state systematizes ideas, scientific principles and knowledge, describes and explains certain phenomena and their totality, summarizes practical experience and logical conclusions, brings together the logical connections open in this area.

As a verification of the theory of legal finalization, one can consider the processes of globalization in general, as in particular - demographic growth, migration, the development of socio-territorial entities.

The processes of globalization in the development of the world community dictate the need for modeling, building and operating a system of social and macroeconomic relations (3, 11).

The global problem of mankind is a sharp demographic growth, as a result of environmental pollution and depletion of natural resources. It is necessary to search for tools to get out of the current situation of dynamic population growth.

The determining mechanism for regulating this kind of relationship is the instruments of political restraint and balances within the boundaries of the necessary adjustments to international and national legislation (3).

In order to ensure sustainable economic development of a sovereign state in general and socio-territorial entities of national jurisdiction, in particular, it is necessary to provide legal support with possible adjustments to the federal regulatory framework. A prerequisite for the successful functioning of territories is to conduct research on institutional economic, legal and political components, search for tools for modeling and regulating activities in these areas within the framework of protecting national interests, the integrity of the state, preserving and improving socio-economic indicators (3).

Demographic growth as a criterion is the preamble of modeling. It is the demographic growth in a particular territory that needs complete control, and only then can we talk about the general growth of the population. Migration processes are a factor basis that determines the dynamism of the development of society according to social and economic criteria.

The study of the application of the international legal system in the context of this work arouses our interest in terms of the implementation of the regulatory function of natural law due to its universality of embodiment in positive law as the basis of the national legal system (3).

The global approach to model building is counterproductive due to its unification. In this context of the construction and operation of models, the national economy and the population of a particular state are responsible in accordance with global trends and accepted restrictions at the global and regional levels.

Law, with the help of its functions, is designed to ensure the materialization of the ideological component of a social phenomenon in accordance with the realities of the modern stage of development of society while meeting social needs (3).

Migration flows are a social phenomenon with a spatial and territorial dimension of a geopolitical scale. Migrants have a significant impact on the political, economic, ecological, information and cultural space as interdependent phenomena, taking into account the comparison of their temporality.

The fundamental function of law in social embodiment is the regulatory framework in social relations. Here we can talk about the essence of law as a regulator

of the social development of an electoral society, the uniqueness of the implementation specificity of the regulatory potential as a qualitative characteristic (3).

Countries have exclusive empirical indicators and dynamic development forecast, a unified approach to the implementation of the averaged model seems inappropriate.

An integrated approach to monitoring the implementation of the regulatory function of law makes it possible to deeply study the functional basis of law, the essence of social regulatory idealism, identify shortcomings in the effectiveness of application, determine growth points in the implementation of law and legal regulation (3).

Of particular interest to us is the analytical approach to the study of the implementation of the regulatory function of international law as a branch of public law. In international law, the regulatory function of law is an important part of natural law in the context of the symbolism of the transcendence of the approach in understanding the approach of truth and eternity of the highest justice (3).

Cross-border movements of migration flows can carry the threat of the spread of extremism, terrorism and are accompanied by risks of destabilization in political, economic and social aspects. The state as a regulator needs to model and implement a constructive mechanism for political management of migration processes and develop a specialized legal and regulatory framework.

Globalization can be considered as a vivid example of a process, the specificity of the implementation of which fully meets the regulatory function of international law as a factor basis of public law at the current stage of development of public relations (3).

In our opinion, the approach of creating models based on the exclusive resource features of territories, taking into account, first of all, national interests, and only then it is necessary to take into account world trends and global needs, seems to be correct and rational.

The new concept of the development of socio-territorial entities dictates the need to form the foundations of the theory of the limit of socio-territorial resource intensity. The timeliness of global and national management of processes in political, economic, social, environmental and other aspects compels the implementation of a model of socio-economic development of society in accordance with the theory of the limit of socio-territorial resource intensity.

The multicomponent functioning of socio-territorial entities entails the need for setting a problem, building an implementation algorithm, creating mechanisms for constructing and operating a predictor (a predictor is a predictive model that assumes verification by implementation with the possibility of adjustment; a term widely used in mathematics, ecology, technology, political science, etc.) The construction and operation of a predictor requires the definition of a list of goals and objectives for the formation of global and national policies. This list should include a development concept, legal framework, organizational tasks, regulatory mechanisms, monitoring of the social, demographic,

social, economic, ethnic, confessional, national, political situation (12).

The processes of globalization inevitably provoke socio-territorial entities of national jurisdiction to integrate into the international system on economic, social and legal institutional foundations. The development of transnational macroeconomic ties dictates the need to improve the legal international system and, accordingly, national systems in the direction of unification of views and law enforcement (13). As a result, we can talk about solving social problems of improving the well-being of the electoral masses and assessing socio-economic indicators according to a unified international approach, which entails solving problems and implementing the goal of combating poverty on a national scale of each individual state. However, one should not forget that the improvement of the legal and political institutional systems is an interim measure for the functioning of the economic institutional system (3).

Ensuring the country's sovereign national security presupposes the purposeful activity of the state, its institutions and civil society. The state exercising political control, acts as a regulator of the implementation of migration policy, taking into account the quantitative indicators of its aspects, levels and subjects.

Natural law as a part of any national legal system has a significant role in the process of implementing the idea of globalization. Natural law has adept characteristics of the generally recognized principles of justice and legal equality in the highest sense for the electoral population of the overwhelming majority of states. The moral and ethical foundations of the formation of natural law are value characteristics for, therefore, they preach the generally recognized principles of equal application and are at the foundation of regulatory relations of a public nature, primarily positive law (3).

When constructing a model, the fundamental principle should be the goals and objectives of the object's functioning, taking into account the initial capabilities and the limits of their capacity.

Management of migration processes has political, economic, social aspects and implies targeted interaction of the states participating in the process, civil society institutions (international and national organizations and associations), indigenous populations and migrants, aimed at creating a comfortable environment for joint territorial residence of people with different civil status, in order to implement sustainable socio-economic development of society and the state, taking into account the provision and protection of human and civil rights.

The basis for the implementation of migration policy is a balanced economic component of the development of regions and social guarantees of the state, political stability in the geopolitical arena and within regional groups, the territorial integrity of the state, sustainable development of some territories without infringing on the capabilities of neighbors, targeted elimination of problems within regions, municipalities as smaller units of territory and a reduction in the number of subsidized regions as a whole. These foundations for the implementation of regional policy in their totality

form a paradigm with generally accepted and scientific features. In turn, we can note the presence of clear ideological signs of the implementation process itself, which makes it possible to assert that the ideological component has been given the status of a canvas, in other words, the presence of a process of canvassing an idea (canvassing is the process of giving an idea the status of a canvas; canvas - essence, basis, concept; the concept of canvas was used in his works by the Russian writer Saltykov-Shchedrin) (12).

Uneven development of territories, different quantitative indicators of population and qualitative socio-economic levels suggest an individual approach to building a model for the development of socio-territorial entities.

Natural law acts as a social regulator through its regulatory function; it should be noted that it has a wider implementation sphere than the regulatory function of positive law (3).

A comparative analysis of the management of admission of migrants of the leading countries (Germany, France, USA, Canada) made it possible to identify the overall effectiveness in achieving the goal, based on the effectiveness of the distribution of powers of the management of migration situations, the availability of infrastructure for adaptation and integration of migrants, the intensity of interaction of specialized actors.

The regulatory function of natural law has two implementation forms. Human behavior according to generally accepted moral norms, recognized by the overwhelming majority as an action within the framework of the standard, is an objective realization of natural law. The indirect regulation of public natural-legal relations of people is realized within the framework of positive law. This causal relationship between natural and positive law leads to the legitimization of moral and ethical norms and an increase in the importance of positive law (3).

The mechanism for managing migration processes should have signs of relevance in accordance with the socio-economic and political situation in the country, the timeliness of changes in the regulatory framework, targeted federal programs, the functioning of specialized departments, the effectiveness of interaction of civil society with public authorities at the international and national levels in within the framework of solving specialized issues.

In the context of globalization processes, the regulatory potential of natural law tends to increase. The need for rapprochement and harmonization of the legal systems of different countries leads to the unification of the foundations of legal equality, the generally recognized principles of justice and moral norms. A characteristic feature is the principle of reciprocity, in a number of cases in the complete absence of legal confirmation in international normative acts, but it is widely used in relations at the international level. An example is the most favored nation regimes based on national, ethnic, religious principles (3).

When constructing a model for the development of a territorial entity, we are interested in the principle of a favorable capacity of a separate territory, taking

into account its geographical location, climatic features, natural resource intensity, degree of development, geopolitical and national situation, social specifics and economic activity (1).

The population as a resource for the functioning of a socio-territorial entity should be assessed from the position of an optimal quantitative indicator - based on the economic feasibility of developing education, but without causing an excessive socio-economic burden on the territory.

Thinking from a scientific point of view about the inevitability of the implementation of economic globalism (14), one should not forget about the still unresolved fundamental contradictions in the understanding of the rule of law in the United States, most European countries (15) and the Russian Federation. The Russian legal system is characterized by the steadfastness of the rule of law, established by the state, over the law, regardless of the very naturalness of the natural essence of things. The Western legal system is structured in such a way that the law as such authoritarian presses over the laws to the full extent of the actions of the national regulatory and legal system. In this context, it makes sense to talk about the non-identity of the totality of existing laws in the Western legal model in relation to existing law, the law has the ability to act as a proof-reader of existing laws. The constitutional order in the Western model of law is considered as something whole (single), namely, the tasks of justice include the obligation to search for this right and display it in decisions (3).

The interaction of civil society and the state should have a rational basis, implying the careful exploitation of the territory's resources, social stability and the preservation of a comfortable living environment for future generations.

Conducting an aspect analysis of the regulatory function of natural law, its value should be defined as the fundamental principle of natural law, embodied in positive law, as well as a regulator of social universal human relations within the boundaries of morality and ethics (3).

Socio-territorial formation in this context should be of a conceptually new type with full management of migration processes in order to control demographic growth.

Scientific interest is aroused by strategic planning for the development of territories by building a whole cluster of socio-territorial entities with a special legal status, by designing, legal legitimization and operating models according to the demographic principle of rationality (1).

The work of the legislator should be built within the boundaries of a reasonable symbiosis of natural and positive law, reflected in the positive law of the principles of humanity and justice. In this case, the economic and legal processes of globalism, in fact, will be reasonable, logical and timely (3).

The demographic principle of operation presupposes reasonable management of the object in order to regulate the socio-economic and anthropogenic load on the territory (16, 17) to prevent the root causes of the systemic crisis of the object, an integral part of solving

these problems is to conduct an analytical study of possible changes, predict the response of systems, implement regulatory activities.

Summarizing the above, we can say about the significance of the influence of natural law on the processes of globalization, the universality of the provisions of natural law when they are implemented in the law of both international and national various countries (3).

With general digitalization and the possibility of remote work, it makes sense to talk about optimizing migration processes to solve the problem of reducing the load on the infrastructure of a social-territorial facility.

The problematic aspect continues to be the implementation of the regulatory function of law in constitutional law, in connection with the contradictions of regulatory legal acts, and sometimes ignoring the provisions of the Constitution of the Russian Federation, when considering and adopting norms regulating public relations by legislators. It should be noted that the competence of the competent authorities of the subject status of the Russian Federation for the rights of conduct assigned to them is not fully applied (3).

Building a model of a social-territorial object with a special legal status and its implementation in practice requires an integrated conceptual approach, including the use of a mathematical methodological approach, legal legitimization of the object, and, most importantly, work with the electoral masses to introduce the ideological component, ethical normality of this lifestyle, social idealization, targeting for the benefit of the further development of mankind in accordance with the ecological well-being of the planet as a whole (12).

Strengthening cooperation between international and national organizations, the creation of a single migration space with the member states of the Eurasian Economic Union should be attributed to the trends in the political management of migration processes.

An effective strategy for managing migration processes will create a rational living environment for migrants and the indigenous population, which is a modeled and regulated integration space based on the interaction of the state and civil society in order to form and expand areas of interaction.

As a result of analytical reflections on the formation of public consciousness, we come to the conclusion about the vital necessity dictated by the progressive processes of globalization, the subsequent development of the theory of legal finalization. The concept of the theory is the consolidation at the legislative level of the principles of morality, ethics, tradition and normality of social behavior of individuals in society. The theory presupposes an initial impact on the consciousness of the electoral masses, the consolidation of reference models of action at the unconscious level and the legitimization of this social and social model in the legal field (3).

Considering the theory of legal finalization and the limit of socio-territorial resource intensity in their totality, it is fashionable to talk about the emergence of the doctrine of the formation of the society of the future.

The regulatory function of law should be considered as a kind of phenomenon, designed to be a regulator of social relations in society, with the power of influence, regulation, modeling and stabilization of relations, with the ability to communicate with other phenomena of the social life of society. The regulatory function of law sets the vector of development of the functions of law as the flagship of the regulation of the social and social life of society (3).

Summing up the research, the following conclusions can be drawn:

1. Law is a multifaceted, multi-aspect and multi-component phenomenon, has a complex internal structure and, as a consequence, a variety of functions. The classification of the functions of law presupposes the definition of a criterion at the core: the concept of a function is subjective, going beyond the boundaries of the concept of a function indicates the objective nature of a function.

2. The functions of law in legitimization in a broad sense are divided into legal functions (regulatory and protective) and social functions (political, economic, social, etc.). The classification of the educational function is determined by the object of influence; it can be realized both in legal and social embodiment. The object of the influence of legal and social functions is social relations, the objects of the influence of the educational function are the will and consciousness of people.

3. The main instrument of influence in the system of functions of law as a phenomenon is the regulatory function as a regulator of the social life of society.

4. Social functions of law are classified depending on the scope of legal impact, their quantitative indicator is significant and difficult to determine, due to their multiplicity.

5. The regulatory function of morality affects the inner, spiritual world of the individual and his communication within the boundaries of society, has a comprehensive implementation, significantly exceeding the possibility of realizing the regulatory function of law.

6. The regulatory function of state power has a direct impact on the life of people within the framework of society and indirectly finds its implementation with the help of legal instruments.

7. Verification of the theory of legal finalization revealed the relevance of developing a concept for the development of socio-territorial entities and laid the foundations for the theory of the limit of socio-territorial resource intensity. The timeliness of studying the problems of demographic growth and migration processes determined the need for global and national management of processes in terms of political, economic, social, environmental and other components, including the collection of empirical data, the construction of a predictor, legal legitimization, the introduction of an ideological component and the implementation of a new model of socio-economic development of society. in accordance with the theory of the limit of socio-territorial resource intensity.

8. The foundations of the theory of the limit of socio-territorial resource intensity, the concept of subsequent development, the principles of the ideological essence, legitimization in the legal field have been determined.

9. The totality of theories of legal finalization and the limit of socio-territorial resource intensity forms the doctrine of the formation of the society of the future.

10. Theoretical analysis of public administration of society allowed us to identify the prerequisites, multidimensionality and multilevel nature of this phenomenon, to define goals and objectives, to generalize experience, ways and mechanisms of implementation.

11. The specificity of the necessary political management of public relations at the international, national, areal levels has been determined.

12. Revealed the role of propaganda work as a technology of political management in the formation of an intellectual environment in order to create an ideological social paradigm of the model of the world.

13. A multi-level structure of the model of managing processes in society has been determined, which allows systematic monitoring of political, economic, and social indicators.

References

1. Malysheva N.A. "Territorial object with a special legal status" as a sphere of strategic development of the territories of the Russian Federation. Science, innovation, society in the digital economy: monograph / team of authors Ermachenko F.M., Kotlova Yu.A., Malysheva N.A. and others // under total. ed. G. Yu. Gulyaeva - Penza: ICNS "Science and Education". - 2021.S. 87-101.
2. State sovereignty / Great Soviet Encyclopedia // Ch. editor A.M. Prokhorov. - 3rd edition. - M.: Publishing house "Soviet Encyclopedia", 1976. - T. 25. - P. 26.
3. Malysheva N.A. The regulatory function of law as the basis of the national legal system. Jurisprudence in theory and practice: topical issues and modern aspects: collection of articles of the IX International Scientific and Practical Conference / ed. G.Yu. Gulyaev. - Penza: ICNS "Science and Education". - 2021.S. 8-12.
4. Kant I. Foundations of the metaphysics of morality (with a review by I. Schultz 1783) // Works in six volumes. - M.: "Thought". 1965. - T. 4. Part I. - 544 p. - (Philosopher. Heritage).
5. Arctic Council. - URL: <http://www.arctic-council.org>
6. Northern Dimension Initiative. - URL: <http://www.europa.eu.int>
7. Standing Committee of Parliamentarians of the Arctic Region. - URL: <http://www.arcticparl.org>
8. Northern Council. - URL: <http://www.norden.org>
9. Northern Forum. - URL: <http://www.northern-forum.org>
10. Council of the Baltic Sea States. - URL: <http://www.cbss.org>

-
11. Marx K. Capital. Criticism of Political Economy. Volume 1. Book 1. The process of capital production. - M .: Russian political encyclopedia, 2015 .-- 664p.
12. Malysheva N.A. Economic and legal aspects of the formation and functioning of territorial entities with a special legal status. Innovations in science, society, education: monograph / team of authors Bazulin A.A., Eremenko O.I., Malysheva N.A. and others // under total. ed. G. Yu. Gulyaeva - Penza: ICNS "Science and Education". - 2021. S. 45-56.
13. Levitt T. The Globalization of Markets // Harvard Business Review. - 1983. - URL: <https://hbr.org/1983/05/the-globalization-of-markets>
14. Soros D. About globalization. - M .: Eksmo, 2004 .-- 224 p.
15. Wallerstein I. World-system of Modernity. Volume 2. Mercantilism and the consolidation of the European world-economy. 1600-1750. - M .: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016 .-- 528 p.
16. Frumin G.T., Ryzantsev C.B., Obraztsova A.B. Coefficients of anthropogenic pressure on the territory of the countries of the world and population density / Problems of theoretical and applied ecology / Collection of scientific papers. SPb, Russian State Medical University, 2005. P. 66-67.
17. Frumin G.T., Demeshkin A.S., Obiazov V.A., Malysheva N.A., Paranina A.N. Ecological and toxicological assessment of heavy metal pollution of the Bienda-Stemme Lake (West Spitsbergen). IOP Conference Series Earth and Environmental Science. - GB: Pleiades Publishing, 2020. - P. 1-6.

PEDAGOGICAL SCIENCES

UDC: 39:398.22:371.036

USE OF IDEAS OF THE MANAS EPIC IN THE IMPLEMENTATION OF THE PROVISIONS OF THE CONCEPT OF EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN AND YOUTH OF THE KYRGYZ REPUBLIC FOR 2021-2030

Koldoshev M.K.

*Candidate of pedagogical sciences, associate professor,
Osh State University, city of Osh, Kyrgyz Republic*

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-19-2-46-48](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-19-2-46-48)

Abstract

The proposed research article discusses the issue of using the ideas of the Kyrgyz epic "Manas" in the implementation of the provisions of the Concept of education of schoolchildren and youth of the Kyrgyz Republic for 2021-2030, concerning the problems of the cultural heritage of the people, their wisdom, moral and spiritual values in increasing the effectiveness of education of schoolchildren and the youth of the country.

Keywords: good upbringing, cultural heritage, tradition, custom, genealogy, history of the people, applied arts.

INTRODUCTION

The increasingly complicated world of today, the spiritual and moral upbringing of the younger generation has been given the most serious attention in the education system. And therefore, the intensification of the efforts of teachers and scholars in solving this priority task is a requirement of the time.

In the above Concept, our current youth is advised as a commandment "... absorption of the wisdom of age-old heritage" [1, p. 6].

We find wise instructions on the upbringing of the younger generation by referring to the Kyrgyz national epic "Manas".

RESEARCH METHODS: study of research and methodological literature and articles on the research topic; analysis, synthesis, comparison, generalization, estimation, forecasting and others.

1. Young Manas grows up as a very active, violent boy - a mischievous person with an unusual character. In the village where little Manas grew among the villagers, various negative rumors, squabbles about him, about his strange behaviour and deeds spread like the wind. Manas's father, an elderly bai¹ Zhakyp, who until then walked with his head held high, proud as a wealthy man, respected by his fellow villagers, in connection with the extraordinary behaviours, misdeeds of his son and, who brought him negative rumours and, as if in a very uncomfortable position, feeling "like a fish out of water", recently began to walk with a down-to-earth head, drooping down, could not look directly into the eyes of fellow villagers, began to run away from them when meeting them. Therefore, having deeply thought over the situation that had arisen, which was very unpleasant for his family, he consults with Chyiyrdy's wife, and they make the only correct decision in this developing situation, to give Manas to the shepherd Oshpur from a distant village, so that he could see with his own eyes the difficulties of life, feel on his own skin

how it is with difficulty that bread, daily food, clothing and other things are obtained to make him stronger. As a result, his father Zhakyp largely achieved the initially set goal of raising his son. Manas began, first, to adequately appreciate the importance of labour for a person; secondly, he understood the importance of his parents in his life, began to respect his father and mother more; thirdly, his perception of the world has expanded.

The Kyrgyz had high hopes for the energetic boy, optimistically suggesting that his irrepressible energy in the future, when he enters adulthood, would be transformed into vigorous social activity for the benefit of the people. This point of view was expressed, for example, by a prominent Kyrgyz scholar-teacher S. O. Baigaziev [3].

2. When Manas was in a foreign land among the Kalmaks, friction and fights with local teenagers often arose in connection with which the shepherd Oshpur developed anxiety in his soul; there appeared fear for the health and life of the teenager Manas. And therefore, Oshpur decided to immediately call bai Zhakyp to him and tell him privately about the unfavourable situation with his son and propose to his father that it would be right in this situation if he took his son back home. Having understood the essence of the circumstance from the lips of Oshpur, father Zhakyp called his son to him and, at first, encouraged him with laudatory words that during his stay here he did a good job, grew up, got stronger, matured, endured the unusual living conditions well, of what he was very happy about. But, it turned out, that there were frequent clashes with local teenagers that definitely scared him. At the end of the conversation with his son in private, Zhakyp revealed his intentions by saying that he had come specially to take his son back home. To that Manas immediately began to stubbornly resist, refusing, referring to the fact that, "in that case, what will the local guys think of him; they would say, Manas called his father and ran away

¹ bai = wealthy

because of fear; was he afraid? ... did he act, say, not like a man, so to speak? ... ". Having heard Manas's stubborn refusal to his proposal, Zhakyp resorts to another method of persuading his son. He told him that, lately, his mother began to miss and miss him greatly and really wants to see him; when she thinks about him, she doesn't even know what to do with herself, she worries. "I, sonny, actually have to barely calm her down. Think about your mom, son? Your return home for your mom will be a huge gift, a great consolation, a great joy. Only then did Manas become a little thoughtful, and nodded his head, giving a sign of agreement. This small episode leads us to the idea of the child's respect and reverence for his mother, and this is an important tradition of the peoples of the East. The epic also reminds us of the significance of this tradition and its value in education.

3. The community highly appreciated the production of folk craftsmen, the work of craftsmen and crafts-women. They sewed folk arts and crafts, felt products, clothes made of natural materials, hats, equipment and ornaments for white yurts; they were engaged in architecture, made jewelry and ornaments for girls, taking into account their age characteristics, for women of different ages, uniforms for warriors, for horses, capes for them, uniforms and signs for warriors, so that they look pleasant and respectable. The epic repeatedly mentions the colourful, artistic and tastefully decorated white yurt of Kanykei, the wife of Manas. Well-known turners made good-quality weapons for soldiers, and these weapons gained fame far beyond the borders of the Khanate. The epic mentions the names of such skilled craftsmen as Bolokbai, Daut, Kanykei, Aruuuke and others.

At present, since the Kyrgyz state gained sovereignty, folk art craft began to revive, and this is very encouraging. And this is the best answer and respectful tribute of the current younger generation to the behests and spiritual heritage of our ancestors, reflected in the content of the epic "Manas".

4. In the epic we find episodes associated with the forgetting of their native language, the forgetting of folk cultural customs and traditions, their historical roots. In the distant past, the kozkamans were repressed by the Chinese conquerors of the Kyrgyz land, and the kozkamans were sent to distant lands called Zhuushangir, and they began to live among foreign people in a foreign land. They got married there. Children were born. Kozkaman is the nickname of one of them. Before his deportation, his name was Usen, who was the brother of bai Zhakyp, the father of Manas. It had been 36 years since the kozkamans were deported to distant lands from their native land. When Manas was elected Khan, his heroic deeds became widely known far beyond the borders of the state. Information on this fact reached even Kozkaman and, in his old age,

Kozkaman with his family, with children expressed a desire to return to their homelands, to the land of Ala-Too². Hearing about their desire, Khan Manas accepted this news with great joy and sent an invitation to them. When they reached Ala-Too, their unpleasant, dirty appearance, uncut hair, unshaven long beards, long nails of hands and feet were immediately evident. The utensils and other tools they used were also unwashed. They completely forgot their native language. They didn't remember the history of their ancestors (pedigree). They immediately disliked Kanykei's cleanliness. They even managed to gossip about her, describing her purity in the wrong angle, talking among themselves, that's why she doesn't give birth. The kindness, all-round concern of Manas for them, they interpreted in their own way in a negative way, saying that Manas was afraid of them, and that was why he cared so much for them. When they got on their feet, became a little wealthy, they had intentions to harm Manas in order to usurp his power. In the end, the kozkamans, acting cunningly, manage to poison Manas with a potent poison. Manas was barely saved from certain death.

These scenes are a spiritual and moral lesson for the current generation, which do not attach appropriate importance to the above values. In the era of today's globalization, it is becoming difficult for our youth to find the right life guidelines. Migration processes, tendencies, their dynamics are increasingly taking on irreversible momentum. Children of migrants can completely forget their language, their family tree, the history of their ancestors, countries, folk cultural traditions, which are mentioned and bequeathed in the epic.

5. Forty companions (horsemen) of Khan Manas not only had excellent, strong constitutions, but were also versatile people. They were distinguished by their broad outlook. They played excellently in "Ordo"³, "Toguz korgool"⁴, "Kuresh" (= *kurosh – arm-wrestling*) and other kinds of national sports. Each warrior mastered the art of treating at least one disease, when soldiers were injured, mutilated, wounded in the battle-fields. After combat battles, the warriors of Manas promptly provided assistance to the wounded. Jigits⁵ of Manas were also skilled craftsmen in various fields of folk applied art.

DISCUSSION

Hence the conclusion: the education and upbringing of our youth, the harmonious combination of these concepts in a person is of priority importance in modern conditions. And also mastering the relevant competencies in various areas of professional activity should be appreciated, and accordingly - motivated and stimulated in society, in the state. In this regard, in our opinion, the following provisions of the Concept should be taken by school teachers as a guide to action:

- "Skillful hands" circles (work with paper, wood, metal, fabric, felt, thread, etc.). Decorative and applied

² Ala-Too - a ridge in the Central Tien Shan

³ ordo (chuko/ashyk) - *lamb genicular bones* - Kyrgyz national game

⁴ Toguz Korgool (nine sheep droppings) – Traditional Kyrgyz intellectual game. Toguz Korgool belongs to the mancala family, whose name derives from the word "move" or "movement". Each player has nine wells, and each well has nine

korgols, which gives the game its name – "toguz" means nine. Nine is a sacred number for nomadic Turkic people, including the Kyrgyz. The goal of the game is to collect as many korgols as possible.

⁵ jigit = skilful horsemen; in some Turkic languages also spelled as *yigit, zhigit*

arts (wood carving and burning, knitting, embroidery, working with knitting needles), "Young naturalist", "Young technician", "Young mathematician", as well as the work of other subject circles, sections, clubs [2, p. 11].

References

1. Manas: Heroic Epic of the Kyrgyz People. According to S. Orozbakov's version. Institute of Language and Literature named after Ch. Aitmatov of the Kyrgyz Republic National Academy of Sciences. Compiled by S. Musaev. - Bishkek: Khan-Tenir, 2010. - 1840 p. (In Kyrgyz).
2. Concept of education of schoolchildren and youth of the Kyrgyz Republic for 2021-2030. (In Kyrgyz).

3. Baigaziev S. Philosophy of education and training. / S. Baigaziev. - Bishkek: "Altyn Tamga", 2012. - 475 p. (In Kyrgyz).

4. Koldoshev M. K. The peculiarity of the Kyrgyz people's democracy in the course of the choosing Manas as a Khan / M. K. Koldoshev, Z. S. Bozhonov // Palarch's Journal of Archaeology of Egypt / Egyptology, 17(7), (2020). – Pp. 5699-5703.

5. Koldoshev M. K. Physical concepts and phenomena in the context of the Kyrgyz epos "Manas" / M. K. Koldoshev // International Journal of Advance Research in Science and Engineering, Vol. №9, Issue №12, December 2020. www.ijarse.com – Pp.118 - 125.

VOLUNTEER ACTIVITY IN THE FIELD OF SECURITY – SOCIAL PLATFORM FOR DIFFICULT CHILDREN

Chistyakova A.

researcher at the Federal State Budgetary Institution VNIIPo of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

143903, Moscow region, the city of Balashikha, VNIIPo microdistrict, house 12

Sidorkin V.

candidate of Pedagogical Sciences, Professor of the Department Life Safety of the Moscow Pedagogical State University.

1 Malaya Pirogovskaya str., building 1, Moscow, 119991, Russia

Rosinskaya K.

candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Higher Mathematics of the Academy of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

129626, Moscow, Boris Galushkin str., 4

Chistyakova A.

a 3rd-year master's student of the Academy of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

129626, Moscow, Boris Galushkin str., 4

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-19-2-48-51](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-19-2-48-51)

ВОЛОНТЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ – СОЦИАЛЬНАЯ ПЛАТФОРМА ДЛЯ ТРУДНЫХ ДЕТЕЙ

Чистякова А.А.

научный сотрудник ФГБУ ВНИИПО МЧС России.

143903, Россия, Московская область, город Балашиха, микрорайон ВНИИПО, дом 12

Сидоркин В.А.

кандидат педагогических наук, профессор кафедры безопасности жизнедеятельности Московского педагогического государственного университета.

119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, дом 1, строение 1

Росинская К.Г.

кандидат технических наук, профессор кафедры высшей математики

Академии ГПС МЧС России.

129626, г. Москва, ул. Бориса Галушкина, 4

Чистякова А.А.

студент 3-го курса магистратуры Академии ГПС МЧС России.

129626, г. Москва, ул. Бориса Галушкина, 4

Abstract

The problem of the social necessity of involving adolescents with deviant behavior in volunteer activities is considered. A number of works of some scientists in this field are analyzed. The influence of volunteering on the formation of values of adolescents is shown. Some experience of working with difficult children is offered.

Аннотация

Рассмотрена проблема социальной необходимости вовлечения в волонтерскую деятельность подростков с девиантным поведением. Проанализирован ряд трудов некоторых ученых в данной области. Показано влияние волонтерства на формирование ценностей подростков. Предложен некоторый опыт работы с трудными детьми.

Keywords: deviant behavior of adolescents, volunteering, social adaptation, security, self-esteem, value attitudes, self-realization.

Ключевые слова: девиантное поведение, подростки, волонтерство, социальная адаптация, безопасность, самооценка, ценностные установки, самореализация.

...Дети, как подростки, нуждаются в безопасности.

В условиях развития современного общества особенно ощутимо взаимодействие личности, семьи и социума, вызывающее положительные и отрицательные изменения в различных сферах социальной жизни. В процессе адаптации представителей различных социальных слоев общества к современным экономическим условиям, возникает дефицит эмпатии, нарушение межличностных связей, разобщение поколений, утрата традиций. Возрастают многообразные формы социальной патологии, такие как наркомания, аутоагрессия, алкоголизм и др., в основе которых лежит девиантное поведение личности. Наибольшие трудности в приспособлении к жизни испытывают подростки. Период подросткового возраста совпадает с обучением детей в средних и старших классах.

Проблеме проявления девиантных форм поведения у подростков посвятили свои работы: А. Адлер, В.Г. Бочарова, Ю.Р. Вишневский, И.А. Горькова, Г.А. Гурко, К. Лоренц, Э. Эриксон. Учеными выделены биологический, психологический и социологический подходы к исследованию девиантного поведения. Агрессивность человека они связывают с повышенным содержанием в его организме полового гормона – тестостерона, поэтому девиантное поведение присуще подросткам.

Э. Дюркгейм был убежден, что для общества девиация является естественной, как и конформизм, и отклонение от нормы несет в себе не только отрицательное, но и положительное начало, поскольку отклонение от норм подтверждает значимость норм, правил, ценностей, показывает их многообразие, способствует социальному изменению, совершенствованию социальных норм, уточняет их границы [1].

Значима для социума просветительская деятельность общественного деятеля Денкendorфа (ФРГ), доктора Христиана Хольца, «строителя моста» Германия – Россия.

Актуальны функции АНО «ЦИСМ» по защите детей в информационном пространстве.

В педагогической литературе под девиантным поведением понимается отклонение от принятых в данном обществе, социальной среде, ближайшем окружении, коллективе социально-нравственных норм и ценностей, нарушение процесса усвоения и воспроизведения социальных норм и культурных ценностей, а также саморазвития и самореализации в том обществе, к которому человек принадлежит.

На появление детей с девиантным поведением влияют следующие факторы:

- семейные травмы. Конфликты в семье, недостаток любви родителей, смерть одного из них, родительская жестокость или непоследовательность в воспитании, нахождение в детском доме и т.д.;

- бурный рост и физиологическая перестройка организма. У подростков может возникнуть чувство тревоги, повышенная возбудимость, сниженная самооценка. Изменение настроения, появление эмоциональной неустойчивости, неожиданные переходы от веселья к унынию и пессимизму. Придирчивое отношение к родным сочетается с острым недовольством собой.

- физическое возмужание. Даёт подростку ощущение зрелости, но социальный статус его в школе и семье не меняется. И тогда начинается борьба за признание своих прав, самостоятельности, что непременно приводит к конфликту между взрослыми и подростками. В результате возникает кризис подросткового возраста.

- самооценка. Регулирует поведение подростка, формируется в ходе общения с окружающими людьми, прежде всего со сверстниками. Ориентация на сверстника, связана с потребностью быть принятим и признанным в группе, коллективе, с потребностью иметь друга, кроме того, с восприятием сверстника как образца, который ближе, приятнее, доступнее по сравнению со взрослым человеком.

Одной из самых важных потребностей переходного возраста становится потребность в освобождении от контроля и опеки родителей, учителей, старших вообще, а также от установленных ими правил и порядков. Как же появляется эта возрастная тенденция (не смешивать с отношениями между поколениями!) в отношениях старшеклассников с наиболее значимыми для них конкретными взрослыми, которые являются не только старшими по возрасту, но и полномочными представителями общества взрослых в целом, - родителями и учителями? Помимо образовательного уровня родителей, сильно влияет на судьбу подростков и юношей состав семьи и характер взаимоотношений между ее членами. Неблагоприятные семейные условия характерны для подавляющего большинства так называемых трудных подростков. [2].

Для самоутверждения и общения подросткам необходима благоприятная среда. Если ввиду каких-то причин самоутверждение подростка происходит в неформальных подростковых группах, дво-

ровых компаниях в форме асоциальных проявлений (курение, выпивка, хулиганство, нецензурная брань), это может стать опасным, криминализующим фактором. В основе таких компаний лежит деятельность, направленная во вред обществу. Начало групповой преступности лежит в безнадзорности уличных компаний, лидерами которых становятся подростки или молодежь с девиантным поведением. Коллективность в них перетекает в опасный групповой эгоизм, в неумении и нежелании взвесить и оценить социальные групповые нормы и нравственные критерии.

Появление социально неодобряемых форм поведения говорят о состоянии, называемом социальной дезадаптацией. Как бы ни были разнообразны эти формы, они почти всегда характеризуются деструктивными отношениями с другими детьми, которые проявляются в драках, ссорах, демонстративном неповиновении, лживости. Они также могут включать антиобщественные поступки, такие, как воровство, прогулы школы и поджоги, суициды, террористические акты и т. д.

Девиантные поступки увеличивают привлекательность совершающего их подростка для других, которые повторяют такой стиль поведения; совершая противоправные поступки, привлекая к себе внимание. Вместе с тем, девиантные поступки усиливают потребность подростка в социальном одобрении группы. Девиантные действия вызывают отрицательное отношение со стороны «нормальных» подростков, вплоть до исключения девиантного подростка из общения с ним. Это способствует активизации общения подростка с девиантной средой, уменьшает возможности социального контроля и способствует дальнейшему усилению девиантного поведения и склонности к нему.

Поэтому одной из главных задач воспитания трудного ребенка является его социальное самоопределение, включающее вовлечение в реальные социальные отношения и самореализацию детей в процессе социального взаимодействия. Это необходимо для личного саморазвития и осознания каждым ребенком своего «Я». Важным условием для благоприятного социального развития подростка является вовлечение его в трудовую деятельность, в объединения по интересам имеющее социально-значимую направленность, что находит результат отражения в профилактических мероприятиях и спасательных операциях деятельности волонтеров. Особую тревогу вызывает гибель и травмирование детей и недостаточная эффективность обеспечения безопасного детского пространства.

По данным Всемирной организации здравоохранения, ежегодно во всем мире из-за загрязнения окружающей среды погибают 1,7 млн детей в возрасте до 5 лет. «Около 1,2 миллиона человек ежегодно погибают в дорожных авариях по всему

миру. От 20 до 50 миллионов человек серьезно страдают каждый год от подобных аварий. Более половины всех жертв – в возрасте между 15 и 44 годами... (Из речи Генсека ООН Кофи Аннана по поводу Всемирного дня здоровья 7 апреля 2004 года).

Спасение людей в чрезвычайных ситуациях (ДТП, наводнения, пожары и т. д.), оказание первой помощи пострадавшим и геройские поступки сверстников, мобилизует личность во имя безопасности других и отодвигает на второй план агрессию и асоциальные мыслительные процессы молодых людей, что формирует комплексный подход к данной проблеме. Авторами рассматривается возможность вовлечения детей с девиантным поведением в волонтерскую деятельность, имеющую целью скорректировать их поведение, в основе которого лежат нравственные ценности личности, такие как доброта, забота об окружающих, желание прийти на помощь.

В целях формирования основ безопасного поведения детей дошкольного возраста, профессиональной ориентации и воспитания курсантов, в рамках дополнительного образования в 2011 г. на базе Технического пожарно-спасательного колледжа им Героя России В.М. Максимчука (директор А.М. Манаенков), автором статьи создана экспериментальная площадка «Азбука пожарной безопасности детям» с программно-ресурсным комплексом объединения «Юный пожарный». Это дало начало системной практике проведения ознакомительных занятий старших детей-волонтеров с дошкольниками. В объединении занимаются ребята колледжа из разных групп направления «Пожарная безопасность» с воспитанниками детских садов г. Москвы. При этом, в условиях пандемии Covid-19, необходимо проводить онлайн-занятия с малышами и их родителями, развивать социальные сети, приглашать к участию масс-медиа. Одновременно, осуществляется вовлечение в работу с малышами «трудных» подростков колледжа, не отличавшихся как успеваемостью, так и адекватным поведением на уроках. По истечении некоторого времени, у ребят заметно изменилось в позитивную сторону отношение к себе и к учебе. Это результаты вовлеченности курсантов в работу с маленькими детьми, когда они чувствовали себя социально востребованными и нужными, и в тоже время ответственными за дело (рис. 1). Как пример, образовательная волонтерская деятельность с детьми команды Q-преподавателей Rybakov Playschool, студентов ИУиКБ АГПС МЧС России, ФГБОУВО МПГУ, МОО ВДПО. Эффективной площадкой социального взаимодействия волонтеров и формирования системы ценностей – их участие в Днях безопасности, проводимыми МЧС России в школах и детских садах.

Рис. 1. Аспекты формирования социальной направленности личности.

Все это требует не только знаний психолого-педагогических особенностей подростков, но и эффективных организационно-воспитательных способностей руководителей волонтерских объединений, роли социального партнерства в обществе.

Таким образом, мы можем наблюдать ключевые факторы и условия для формирования эмоциональной близости между детьми и их социализации, принятия сотрудничества и удовлетворенности взаимоотношениями со сверстниками и

обществом в целом, социального вектора направленности личности во времени и пространстве.

References

1. Durkheim E. Suicide: A social study. Per, with fr. with socr. Edited by V. A. Bazarov. – M.: Mysl, 1994 – 399. [Published in Russian]
2. Kon I. S. Psychology of early youth: A book for a teacher. – M.: Prosveshchenie, 1989. – 255. [Published in Russian]

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

IMPACT OF PSYCHOSOCIAL FACTORS ON THE CORRECTION OF ATTENTION DEFICIT HYPERACTIVITY SYNDROME

Danilenko E.N.

*Research Institute of Molecular Biology and Biophysics, FIC FTM,
630117, Novosibirsk, Russian Federation, Timakova, 2.*

Mazhirina K.G.

*PHD, Research Institute of Molecular Biology and Biophysics, FIC FTM,
630117, Novosibirsk, Russian Federation, Timakova, 2.*

Jafarova O.A.

*PHD, Research Institute of Molecular Biology and Biophysics, FIC FTM,
630117, Novosibirsk, Russian Federation, Timakova, 2.*

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-19-2-52-55](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-19-2-52-55)

ВЛИЯНИЕ ПСИХОСОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА КОРРЕКЦИЮ СИНДРОМА ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРКТИВНОСТИ

Даниленко Е.Н.

Научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр фундаментальной и трансляционной медицины.

*Институт молекулярной биологии и биофизики»
630117, Россия, Новосибирск, Тимакова 2*

Мажирина К.Г.

*K. психл. н., с.н.с ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр фундаментальной и трансляционной медицины. Институт молекулярной биологии и биофизики»
630117, Россия, Новосибирск, Тимакова 2,*

Джафарова О.А.

K. ф.-м. н., зав. лаб. ФГБНУ «Федеральный исследовательский центр фундаментальной и трансляционной медицины.

*Институт молекулярной биологии и биофизики»
630117, Россия, Новосибирск, Тимакова 2*

Abstract

In the article we studied the impact of intra-family psychosocial factors on the effectiveness of attention correction in primary school children with ADHD based on the biofeedback technology. It was shown that the family support brings about the increase of the effectiveness of biofeedback training. This factor is especially significant for the children from families with negative psychosocial status.

Аннотация

В статье исследуется влияние внутрисемейных психосоциальных факторов на эффективность коррекции внимания у детей с СДВГ младшего школьного возраста с использованием технологии биоуправления. Показано, что при наличии поддержки со стороны семьи у детей повышается эффективность тренинга биоуправления. Особенно значим этот фактор для детей из семей с негативным психосоциальным статусом.

Keywords: psychosocial factor, family support, attention index, primary school students, biofeedback.

Ключевые слова: психосоциальные факторы, поддержка родственников, индекс внимания, младшие школьники, биоуправление.

Семья является основной средой жизни ребенка и определяющим фактором формирования его личности и, соответственно, его будущего. Социальные условия развития ребенка в семье, варианты взаимоотношений детей с родителями и близкими способны как усугублять дезадаптацию детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (далее — СДВГ), так и препятствовать ей. СДВГ — это полиморфный клинический синдром, главным проявлением которого является нарушение способности ребенка контролировать и регули-

ровать свое поведение, что выливается в двигательную гиперактивность, нарушение внимания и импульсивность [1; 4].

Вследствие этого у детей с СДВГ возникают трудности при адаптации к систематическому школьному обучению: низкая академическая успеваемость и асоциальное поведение с повышенным травматизмом [2; 3]. В России по официальной статистике - от 2 до 20% детей и подростков или около 1-2 млн. детей имеют специфические расстройства поведения и внимания в виде СДВГ, но информированность специалистов системы образования и

родителей об особенностях СДВГ у детей чрезвычайно низка [1; 4]. При отсутствии эффективной коррекции сложности, которые испытывает ребенок с СДВГ, могут сохраняться и до взрослого состояния, когда данный синдром способен проявиться депрессией, повышенной тревожностью и аддикцией [2; 4].

Родители детей с СДВГ часто некомпетентны в отношении признаков имеющегося у их ребенка синдрома, не понимают, что происходит с их ребенком, но его поведение очень сильно раздражает. Чаще всего родители объясняют все «неправильным воспитанием» и занимают обвиняющую позицию в отношении себя и друг друга. Наличие СДВГ требует от семьи специфического воспитательного подхода, а не является проявлением невоспитанности ребенка или «его моральной ущербности». В зависимости от понимания семьей имеющегося у ребенка синдрома, его ближайшее окружение формирует как положительные, так и отрицательные факторы, влияющие на эффективность коррекционной работы с детьми. Понимая значимость взаимоотношений в семье, Р.А.Баркли, например, предлагает рассматривать тренинги для родителей по тактике поведения с детьми как метод лечения СДВГ, подтвержденный эмпирически. По его данным эффективность таких тренингов в семьях с детьми с СДВГ до 11 лет составляет 65-75 %, в семьях с подростковым (юношеским) возрастом 25-30% дают обнадеживающие изменения [3].

Целью представленной работы является: исследование эффективности тренингов биоуправления для коррекции СДВГ у детей младшего школьного возраста; изучение эффективности коррекционной работы с детьми в зависимости от внутрисемейных психосоциальных факторов.

Материалы и методы.

В исследовании участвовали 22 школьника с наличием СДВГ из 1-2 классов Новосибирской школы. В течение первого и второго годов обучения все дети прошли курс коррекции бета-стимулирующего тренинга биоуправления [5]. До и после коррекционного курса биоуправления было проведено электроэнцефалографическое (далее - ЭЭГ) исследование, необходимое для оценки диагностического признака СДВГ: ЭЭГ тета/бета коэффициента (индекса внимания), который менялся по ходу лечения [7].

Психодиагностическое исследование включало анкетирование родителей учащихся с СДВГ (предлагалась анкета – тестирование «Социальные факторы жизни семьи») в начале первого класса с целью выявления в семье негативных социальных и психологических факторов.

Разработанная программа коррекции СДВГ содержала консультативную работу с родителями детей с СДВГ, бета-стимулирующий тренинг биоуправления для детей 1-2 года обучения, кроме того, психологи и педагоги, обучающие детей с СДВГ, также получили полную информацию по данному заболеванию: о причинах, течении и методах лечения синдрома. Родители детей с СДВГ получили консультации по следующим темам: полный обзор

по СДВГ (причины, течение и методы лечения), отношение к СДВГ как к неблагоприятному воздействию на ребенка и жизнь семьи в целом, особенности поведения со своими детьми (предложена модель поведения «родители-друзья ребенка», а не «наблюдатели со стороны»). Были рекомендованы стратегии поведения, способствующие сотрудничеству с собственным ребенком: сохранять чувство юмора в конфликтной ситуации, учиться расставлять жизненные приоритеты, видеть перспективу в своем ребенке, уметь прощать детей, себя, других и др.

Во время сеансов бета-стимулирующего тренинга ребенок наблюдал на мониторе график кристовой, отражающей динамику управляемых сигналов (мощности тета- и бета-ритмов) в спокойном состоянии и при выполнении когнитивной нагрузки (устный счет, прослушивание текстов) в режиме реального времени в игровой или мультимедийной форме (см.рис.1). Для проведения занятий биоуправления использовался программно-аппаратный комплекс «БОС-ЛАБ» (ООО «Комсиб», Новосибирск).

Перед школьниками была поставлена задача: во время сеансов снижать отношение мощности тета-ритма к мощности бета-ритма, т.е. индекс внимания, и уровень мышечного напряжения. Более подробно структура тренинга биоуправления представлена в наших предыдущих работах [5; 6]. Программа тренинга биоуправления включала обсуждение результатов сеансов совместно с каждым школьником и его родителями (родственниками), а также свободное посещение родителями сеансов биоуправления.

Для анализа данных были использованы методы дисперсионного анализа (ANOVA), числовые данные представлены в виде $M \pm m$, где M - среднее, а m – ошибка среднего.

Результаты и обсуждение.

1. По результатам анкетирования родителей в группе из 22 детей в 10 семьях (45%) были выявлены признаки неблагоприятного психосоциального микроклимата. А именно: травмирующее непосредственное окружение ребенка в семье (воспитание в неполной семье, отсутствие обоих родителей, повторный брак, заболевание или смерть родителя); наличие внутрисемейных конфликтов; недостаточная материальная обеспеченность семей и сложные бытовые условия.

2. ЭЭГ тета/бета коэффициент после проведения курса биоуправления достоверно снизился у всех школьников с $1,91 \pm 0,04$ мкВ2 до $1,56 \pm 0,04$ мкВ2 ($p < 0,01$). Дети из семей с неблагоприятным психосоциальным статусом показали снижение индекса внимания в курсе тренинга на $0,277 \pm 0,046$ (в диапазоне от 0,171 до 0,440 мкВ2). Дети из группы семей с благоприятной психосоциальной обстановкой снизили ЭЭГ тета/бета коэффициент на большую величину ($0,379 \pm 0,028$, изменения в пределах от 0,300 до 0,540 мкВ2). Эти изменения в группах достоверно различаются ($F(1,20) = 5,30$; $p = 0,031$). Отметим, что величины индекса внимания после

проведения курса тренинга практически совпадают: $1,570 \pm 0,062$ и $1,569 \pm 0,062$, соответственно, а их различие до начала тренинга статистически не значимо: $1,869 \pm 0,062$ и $1,956 \pm 0,062$ ($F(1,20)=0,977$, $p=0,336$).

3. Активное участие в коррекционном процессе приняли родственники (матери, отцы, бабушки или дедушки) у 16 (73%) детей. Достоверных различий по снижению индекса внимания в этих группах обнаружено не было. Так, в группе де-

тей, прошедших тренинг без поддержки своих родственников, значение параметра составляет $0,291 \pm 0,033$. Во второй группе детей, чьи родственники участвовали в коррекции, среднее значение равно $0,365 \pm 0,021$ ($F(1,20)=0,547$, $p=0,114$). Тем не менее, следует отметить, что эффективность тренинга при участии родственников была выше.

4. Был проведен сравнительный анализ влияния негативных психосоциальных факторов и поддержки со стороны родственников на эффективность коррекции СДВГ (см. рис. 1).

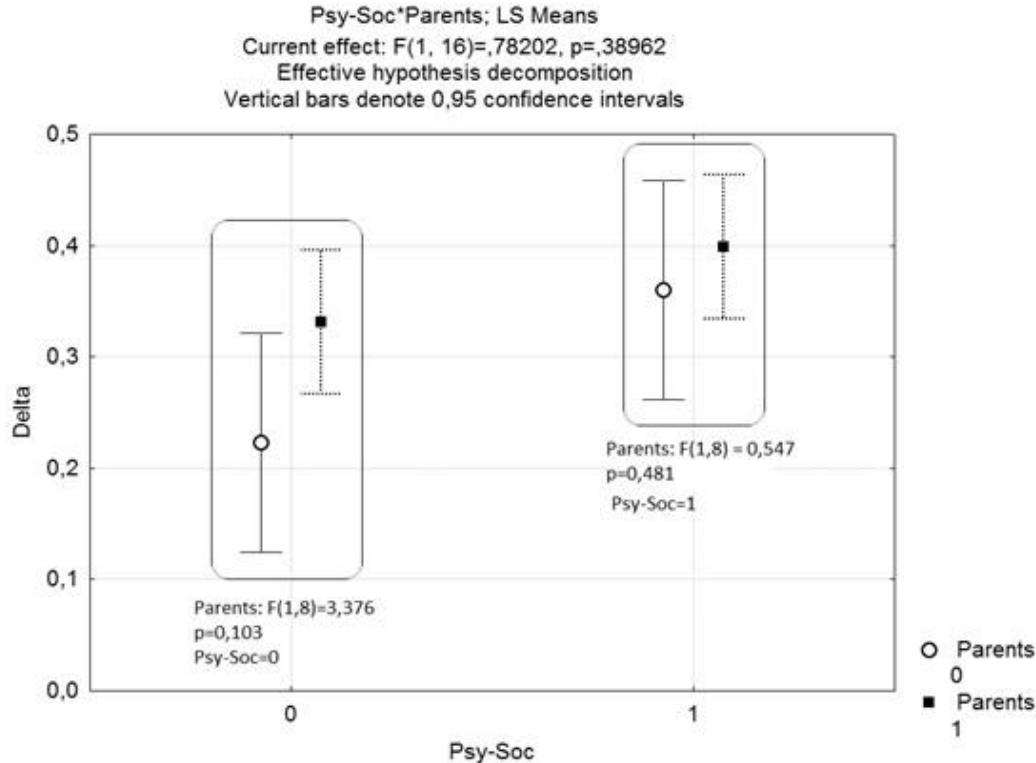

Рис.1. Приrostы (Delta, разность значений индекса внимания до-после курса биоуправления) в группах, отличающихся по психосоциальному фактору(PsySoc, 0 – неблагоприятные условия, 1 – благоприятный микроклимат в семье) и фактору поддержки родственниками (Parents, 0 –поддержки нет, 1 – поддержка есть).

Хотя по сочетанию факторов психосоциального климата в семье и поддержки родственников различий между группами выявлено не было (см. рис.1), но в группе семей с неблагоприятным психосоциальным статусом фактор поддержки родственников улучшал результаты тренинга, хотя уровень статистической значимости не был достигнут. Но, возможно, это вызвано малым объемом выборки (в этой группе было всего $10=7+3$ человек).

Можно предположить, что для детей из семей с благоприятным психосоциальным микроклиматом присутствие родственника и его участие в обсуждении результатов занятий особого значения не имело. Если же в семье имелись конфликты или другие негативные психосоциальные факторы, то посещение родственниками занятий и совместное обсуждение результатов тренинга повышало его эффективность. В некоторых случаях этот позитивный психологический фактор сглаживал сложное социальное положение ребенка (отсутствие родителя и т.д.), и результаты тренинга были выше ожидаемых.

Конфликты и ссоры в семье и возникающие вследствие этого переживания и эмоциональное напряжение, не способствуют успешной коррекции СДВГ. Осложняющим фактором также является чувство неуспеха, связанная с ним неуверенность, которые ребенок длительное время не в состоянии преодолеть. Психическое напряжение усиливается, если ребенка постоянно критикуют или наказывают (как в школе, так и дома). Сравнения своего ребенка с чужим, более успешным (с точки зрения родителей или педагогов) – тоже не идет на пользу. Лучше замечать достоинства и успехи собственного ребенка и чаще вознаграждать его похвалой.

Поддержка со стороны значимого для ребенка человека повышает эффективность коррекции СДВГ. Особенно это важно для детей из семей, имеющих психосоциальные проблемы, т.к. недостаток принятия и заботы в семье обостряют личностные особенности ребенка, связанные с наличием синдрома. Детям сложнее контролировать свое поведение, двигательную гиперактивность и

импульсивность, внимание. Приглашая родственников к сотрудничеству, мы помогаем им увидеть в их «непослушном ребенке» старательного и успешного человека, выстроить с ним другие взаимоотношения, основанные не на взаимных обвинениях, а на взаимном понимании. В благополучных семьях, где дети получают необходимую им любовь и заботу, где сформирован комфортный уровень безопасности ребенка, активное вовлечение родственников в процесс коррекции методом биоуправления особого значения не имеет.

Выводы.

Основные признаки СДВГ были описаны более 200 лет назад, однако практические исследования синдрома начались лишь во второй половине XX века и продолжают активно развиваться, что в большей мере связано с высокой социальной значимостью заболевания. Разнообразие проявления синдрома дефицита внимания с гиперактивностью постоянно требует совершенствования технологии биоуправления, а также повышения уровня ее эффективности для приспособления коррекционной работы к различным типам и степени тяжести синдрома. В работе были рассмотрены психосоциальные факторы и их вклад в эффективность тренинга нейробиоуправления. Показано, что общепринятый ЭЭГ-биомаркер СДВГ - тета/бета коэффициент, после проведения курса биоуправления достоверно снизился у всех школьников, однако в группе семей с неблагоприятным психосоциальным статусом фактор поддержки родственников улучшал результаты тренинга. Таким образом, для повышения эффективности помощи детям с СДВГ необходимы комплексные мероприятия - психофизиологические методы, дополненные педагогическими, пси-

хологическими процедурами; коррекционная работа не только с ребенком, но и с его окружением - все это позволяет достичь максимальных результатов.

References

1. Romanchuk O.I. Sindrom defitsita vnimaniya i giperaktivnosti u detey. — M.: Genezis, 2010.—S. 336.
2. Bondarenko T.N. Profilakticheskaya diagnostika minimal'nykh mozgovykh disfunktsiy u detey mladshego shkol'nogo vozrasta // Prakt. psikhol. -2002.-№7.- S.44-54.
3. BarkliR.A. Sindrom defitsita vnimaniya s giperaktivnost'yu: Rukovodstvo po diagnostike i lecheniyu (3 izd.). Nyu-York: Izdatel'stvo Gilford, - Materialy 1-ogo Mezdunarodnogo foruma «Okhrana zdorov'ya detey v Rosii». 2006. [Published in Russian]
4. Zavadenko N.N. Sindrom defitsita vnimaniya i giperaktivnosti: novoye v diagnostike i lechenii. // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Mediko-biologicheskiye nauki. 2014. №1. S.31-39. [Published in Russian]
5. Dzhafarova O.A., Grebneva O.L., Danilenko E.N., Lazareva O.Yu. Korrektsiya sindroma defitsita vnimaniya s ispol'zovaniyem bioupravleniya //Shkol'nyye tekhnologii. 2011. № 2. S. 142-147. [Published in Russian]
6. Dzhafarova O.A., Danilenko Ye.N. Neirobioupravleniye v korreksii sindroma defitsita vnimaniya i giperaktivnosti shkol'nikov // Otkrytoye obrazovaniye. 2016;(2):93-96. DOI:10. 21686/1818 -4243-2016-2-93-96.
7. Lubar D.F. Bioupravlenie, deficit vnimania i giperaktivnost. Bioupravlenije— 3: teoriya i praktika (pod red. R. Kolla, SHA, M. Shtarka, Rossija), 1998. – S.143-161.

SOCIAL SCIENCES

CURRENT PROBLEMS OF SERVICE STATE MODEL FUNCTIONING IN UKRAINE

Slobodeniuk T.

Postgraduate Student

Citizen Service Department

State Enterprise "Document"

04116, 8 Dovnar-Zapolskyi Str., Kyiv, Ukraine;

Department of Globalization, Eurointegration and Management of National Security

National Academy for Public Administration under the President of Ukraine

03057, 20 Anton Tsedik Str., Kyiv, Ukraine

DOI: [10.24412/2701-8369-2021-19-2-56-62](https://doi.org/10.24412/2701-8369-2021-19-2-56-62)

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ФУНКЦІОNUВАННЯ МОДЕЛІ СЕРВІСНОЇ ДЕРЖАВИ В УКРАЇНІ

Слободенюк Т.

Аспірант

Відділ обслуговування громадян

Державне підприємство "Документ"

Вул. Довнар-Запольського 8, 04116, Київ, Україна;

Кафедра глобалістики, євроінтеграції та управління національною безпекою

Національна академія державного управління при Президентові України

Вул. Антона Цедіка 20, 02000, Київ, Україна

Abstract

The relevance of the research topic lies in the importance of services as the main condition of the formation of the stable economy of Ukraine. Creating convenient and accessible conditions for individuals and legal entities to receive public services is one of the main tasks to be solved by public authorities and local governments in terms of administrative and territorial reform because it is the quality of services provided by the citizen assesses the level of state care. The purpose of the research is to analyze and study the current problems of the service state model in Ukraine. The methodological basis of the study is the combination of theoretical methods of scientific knowledge. In particular, methods of analysis and synthesis of information, comparative method, induction method, comparative legal method, method of logical analysis were used. At the final stage of the research, a systematic analysis of the scientific literature on the research topic was also conducted. Scientific articles of foreign and domestic researchers were analyzed. In the course of the study was found that public authorities in Ukraine have taken an important step towards creating and operating a service model aimed at improving the quality and efficiency of public administration in the field of access to public services, which is a criterion of human rights and a new system of relations in a democracy. However, the functioning of the service status model is only at an early stage and requires improvement of organizational and legal mechanisms of public services, which take into account the existing problems of their provision by public authorities in the process of deepening administrative-territorial reform and restructuring the national economy. The presented research has practical value both for researchers in the field of law and public administration and for practitioners in these fields.

Анотація

Актуальність досліджуваної теми полягає у тому, що однією із найважливіших умов становлення стабільної економіки України виступає розвиток сфери послуг. Створення зручних і доступних умов для отримання фізичними та юридичними особами публічних послуг є однією з головних задач, що має вирішуватися органами державної влади та місцевого самоврядування в умовах проведення адміністративно-територіальної реформи, адже саме за якістю наданих послуг громадянин країни оцінює рівень турботи держави про нього. Метою представленого дослідження є аналіз та вивчення актуальних проблем функціонування моделі сервісної держави на території України. Методологічною базою дослідження є об'єднання теоретичних методів наукового пізнання. В роботі, зокрема, були використані: методи аналізу та синтезу інформації, порівняльний метод, метод індукції, порівняльно-правовий метод, метод логічного аналізу. На фінальному етапі дослідження був також проведений системний аналіз наукової літератури з тематики дослідження. Були проаналізовані наукові статті зарубіжних та вітчизняних дослідників. В процесі дослідження було визначено, що органи державної влади в Україні зробили важливий крок до створення та функціонування моделі послуг, спрямованої на підвищення якості та ефективності державного управління у сфері доступу до державних послуг, що є критерієм прав людини та нова система відносин у демократії. Однак функціонування моделі статусу послуг лише на ранній стадії та потребує вдосконалення організаційно-правових механізмів державних послуг, які враховують існуючі проблеми їх надання органами державної влади у процесі поглиблення адміністративно-територіальної реформи та перебудова національної

економіки. Представлене дослідження має практичну цінність як для дослідників у галузі права та публічного управління, так і для практиків у цих галузях.

Keywords: public services, administrative services center, administrative-territorial reform, information technologies, e-government.

Ключові слова: публічні послуги, центр надання адміністративних послуг, адміністративно-територіальна реформа, інформаційні технології, електронне урядування.

На сьогоднішній день існує велика кількість проблем з котрими стикаються органи місцевого самоврядування у процесі надання адміністративних послуг мешканцям міст та сільської місцевості. Виявлення та подолання даних проблем на місцевому та державному рівнях повинно стати першочерговим завданням задля стабільного розвитку ринку адміністративних послуг та всієї соціально-економічної сфери суспільних відносин [1]. Головним питанням для багатьох дослідників є виявлення проблем якісного функціонування сфери надання адміністративних послуг з перспективною метою пошуку методів, способів та ресурсів, що будуть спрямовані на їх подолання. Модернізація державного управління в контексті світової тенденції переходу до моделі обслуговування корпоративного типу підвищила вимоги до моделей державного управління [2; 3].

Велика група українських науковців приділяла увагу вивченням державних послуг, особливо їх складової, адміністративних послуг. А. Піляй [4] зробив значний внесок, провівши порівняльний аналіз проблем моделі державної служби в Європі та Україні з точки зору децентралізації вітчизняного державного управління. Він зазначив, що у своїй дисертації А. Фокс звернувся до недоліків організаційно-правових механізмів надання адміністративних послуг [4]. Дослідники М. Лахіжа [5], В. Тимошук [6] порівняли проблемні питання системи адміністративних послуг у Європі та Україні. І. Лопушинський [7], Н. Литвинова and О. Литвинов [8] досліджували проблемні аспекти впровадження електронного державного управління як провідного елемента якості адміністративних послуг. Т. Burenko [9] приділила увагу цьому ж питанню разом із ґрутовним вивченням організаційних проблем у системі надання цих послуг. М. Тернущак [10] одним із перших окреслив організаційні перспективи розвитку адміністративних послуг державних органів в Україні та проаналізував проблемні аспекти цієї сфери суспільних відносин. О. Буханевич [11], Г. Бондар та Л. Воронова [12], вивчали проблеми надання адміністративних послуг в Україні в умовах децентралізації системи державного управління. А. Вороніна та О. Копіль [13], З. Панкова [14] вперше спробували проаналізувати весь комплекс проблем у сфері надання адміністративних послуг в Україні.

Предметом статті є проблеми, які в Україні потрібно розв'язувати для розвитку якісно функціонуючої моделі сервісної держави. Метою статті є визначення переліку проблемних питань у сфері надання публічних послуг населенню України. У ній розглядається сучасна організаційна практика надання публічних послуг, яка дозволяє проаналізувати недоліки її реалізації і сформулювати перелік існуючих проблем у цій сфері суспільного життя в Україні. Переважна чисельність цих проблем зумовлена надмірною централізацією управління цією сферою та недосконалістю організаційного і правового механізму функціонування її, що ускладняється адміністративно-територіальною реформою.

Необхідною умовою функціонування та розвитку сектору державного управління є суб'єктивна спрямованість його діяльності, що включає зміну об'єктивної дії держави на взаємодію суб'єкта, максимізацію суб'єктивних характеристик учасників такої взаємодії, переорієнтацію на задоволення потреби зовнішніх організацій. Дотримання цієї умови конструюється як частина переходу від моделі бюрократичного обслуговування до моделі державного управління до моделі обслуговування, яка ґрунтуються на логіці обслуговування функціонування та розвитку сектору державного управління. Інновації в державному управлінні, як правило, не є продуктивними, але організаційно-управлінськими, а предметом інновацій є технології та процеси державного управління. Варто зазначити, що інноваційним є впровадження послуги, яка докорінно змінює взаємодію керівництва та організацій державного сектору функціонування, а розвиток сектору державного управління вважається інноваційним напрямком. Поновлення логіки послуг опосередковується феноменом “примноження послуг” виробництва у всіх галузях економіки.

Логіка послуг вважається основою сучасної реформи державного управління у багатьох країнах, включаючи Україну. Модернізація базується на ідеї державного управління, яку здійснюють державні установи, структури та місцеве самоврядування. Тому практичне значення моделі статусу “послуги” (“нова модель управління як гарантована послуга” або концепція “активізуючого стану”) користується попитом і активно розробляється. На Рис. 1 представлено чотири виміри держави, на яких робиться акцент в моделі сервісної держави.

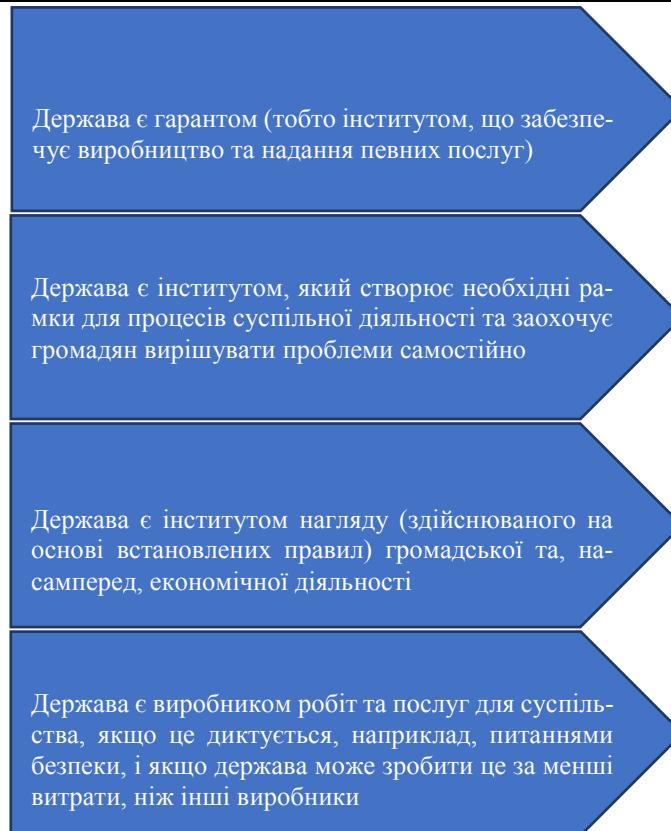

Рис. 1. Акценти в моделі сервісної держави

Проаналізувавши основні акценти в моделі сервісної держави, важливо звернутись до аналізу основних принципів сервісної держави, які викори-

стовуються дослідниками та практиками в зарубіжних країнах. Зокрема вони популяризовані в країнах Європейського Союзу. Далі представлено основні принципи сервісної держави.[1]

Таблиця 1

Принципи сервісної держави

1.	Назва	Характеристика
2	Управління	Держава намагається контролювати інших, а не працювати на них. Це означає необхідність максимально звільнити уряд від поточної роботи у сфері послуг та “обмежити” надання державних послуг до рівня, максимально наближеного до споживачів.
3	Надання споживачам можливості самостійно обирати послуги	Держава прагне надати споживачам вибір необхідних їм послуг і тих, хто забезпечує їх з найвищою якістю.
4	Запровадження принципу конкуренції у державному секторі	Держава прагне ввести принцип конкуренції в державному секторі, щоб дозволити приватному сектору боротися за споживача, за умови, що дана послуга оплачується державою.
4	Вклад в конкретний результат	Держава прагне інвестувати в конкретні результати, а не в наміри окремих осіб чи організацій приватного сектору.
5	Клієнтоорієнтованість	Держава намагається зосередитися на клієнті, тобто основою діяльності органів державної влади повинні бути потреби та бажання громадян як споживачів державних послуг.
6	Впровадження ринково-орієнтованих механізмів	Держава намагається створити ринково-орієнтовані механізми та бюджетування, що буде орієнтоване на позитивні результати.
7	Децентралізація влади	Держава намагається децентралізувати владу, перенести фокус прийняття рішень на найнижчий рівень, запровадити елементи управління.

Таким чином, проаналізувавши основні принципи сервісної держави можливо виокремити найбільш важливі для запровадження вдалої системи сервісної держави на території України. У 2006 році Д. Кеттл опублікував дослідження, у якому визначив стратегії, які можуть бути використані у процесі реформування державного управління. У публікації Д. Кеттл [15] виокремлено п'ять основних стратегій. Перша стратегія передбачає ефективність. Влада повинна шукати шляхи збільшення кількості послуг, які можуть надаватися для фіксованих або малих державних витрат. Друга стратегія полягає в маркетизації. Уряд працює над запровадженням стимулів “ринкового типу” для усунення недоліків і патологій, пов’язаних з бюрократією. Ці дії ґрунтуються на стратегії заміни традиційних бюрократичних механізмів управління на ринкові. Третя стратегія передбачає орієнтацію на надання державних послуг. Замість розробки бюрократичних програм державою докладаються зусилля для

створення або просування альтернативних систем надання послуг, орієнтованих на клієнтів. Наприклад, надання громадянам вибору послуг, оскільки ринок пропонує вибір товарів. Четверта стратегія передбачає децентралізацію. Ця стратегія передбачає переміщення центру реалізації різних державних програм на нижчі рівні влади. П’ята стратегія передбачає відповідальність держави за результати. Уряди прагнуть замінити системи звітності на основі стандартів і правил зверху вниз, в яких успіх адміністративної системи вимірюється результатаами для безпосереднього споживача державних послуг. Використання доступу до послуг має тенденцію розуміти функції державного управління як державної послуги, а сама держава, побудована на доступі до послуг, стає станом обслуговування [15].

Розглянувши стратегії реформування, важливо провести аналіз основних проблем теорії сервісної держави. Основні проблеми теорії сервісної держави представлено на Рис. 2.

Rис. 2. Проблеми теорії сервісної держави

Загальною метою адміністративно-територіальної реформи в Україні є не лише покращення якості та ефективності системи державного управління, а й покращення якості та доступності державних послуг.

У щорічному виступі Президента України у Верховній Раді України “Про зовнішнє та внутрішнє становище України у 2016 році” [16], наголошується, що реформа системи адміністративних послуг, яка проводиться на основі застосування

принципу “стану обслуговування”, є одним із пріоритетних напрямків модернізації державного управління в Україні. Послуги в державному управлінні включають, зокрема, розробку форм, методів та технологій управління, спрямованих на підвищення якості послуг, що надаються фізичним та юридичним особам органами державної влади та місцевими органами влади. Надання якісних державних послуг громадянам або юридичним особам є критерієм поваги до прав людини та створення нової системи відносин у демократичній державі.

Таким чином, необхідно визначити шляхи вдосконалення організаційно-правових інформаційних механізмів надання державних послуг як основи партнерства між державою та суспільством на території сучасної України. У процесі адміністративно-територіальної реформи в Україні для держави було запроваджено низку нових інституцій, орієнтованих на надання державних послуг. До основних досягнень належать створення центрів надання адміністративних послуг (ЦНАП), впровадження концепції так званих посередників, надання електронних послуг, які мають працювати на основі концепції єдиного пункту зв’язку, та перші кроки у делегуванні певних видів адміністративних послуг [17]. Крім того, в рамках міжнародної ініціативи “Партнерство відкритого уряду” у систему адміністративних послуг для населення впроваджуються різні інформаційні та комп’ютерні технології [5]. І. Лопушинський [7] вважає, що Україні терміново потрібен електронний уряд, впровадження якого гальмує людський фактор, оскільки електронний уряд все більше видається чиновників як посередників між державою та громадянином, що полегшить роботу простим людям та запобігатиме корупції між постачальниками державних послуг. Т. Буренко [18] та О. Конотопцев [19] наголошують, що використання технологій електронного уряду у процесі надання адміністративних послуг є потенційною гарантією їхньої системи та ефективності за умови, що громадяни мають до них доступ [14; 20; 21].

У процесі дослідження було розглянуто статті деяких науковців з тематики дослідження. Автори однієї з розглянутих робіт зазначають, що встановлення демократичної політичної системи було проголошено одним із головних пріоритетів України з моменту здобуття незалежності в 1991 році. Проте, через три десятиліття, демократія в Україні залишається неефективною та поверхневою. Таким чином, продуктивно та доречно, шукати альтернативний метод вивчення такої складної та багатовимірної проблеми. Розглянута стаття використовує “причинно-наслідковий аналіз”, щоб отримати додаткове уявлення про причини неповної та припиненої демократизації України. “Причинно-наслідковий аналіз” має на меті знайти основні причини проблем і включає аналіз у чотирьох “шарах”: ектенії, системи, світогляду та міфу/метафори. Як зазначають автори, цей метод можна застосувати для кращого розуміння демократизації України, а точніше, її відсутності. На шарі ектенії узагальнено основні факти та дані щодо демократії в Україні. Другий,

системний шар, пов’язаний з вивченням демократичного переходу на основі підходів різних академічних дисциплін та теорій. Дослідження на третьому шарі стосується трактування проблеми в рамках п’яти світоглядів. На найглибшому шарі автори визначають та характеризують деякі міфи, що лежать в основі вицезгаданих світоглядів. На основі цих аналізів визначаються ключові проблеми та намічаються перспективи майбутньої демократизації України [22].

Також у процесі дослідження було розглянуто статті зарубіжних науковців. Протягом 20-го та початку 21-го століття у Сполучених Штатах Америки спостерігалося зростання адміністративного головування. Оскільки політична поляризація значно ускладнила задачу адміністрації президента просувати ініціативи державної політики через Конгрес, адміністрація президента стала набагато більш залежною від розпоряджень виконавчої влади, політичних заяв, федеральної нормотворчості та політики непримусового застосування для реалізації своєї програми. Адміністрація президента також намагалася посилити контроль над діями федеральних службовців, відповідальних за формування політики та реалізацію політики. У розглянутій статті стверджується, що сучасне адміністративне президентство стало серйозною загрозою для демократичних цінностей та інститутів нації. У статті також стверджується, що в чужих руках адміністративна держава може завдати великої шкоди. Нарешті, у статті стверджується, що дисципліна державного управління повинна припинити свої стосунки з адміністрацією президента. Небезпека зловживання адміністративною державою стала надто серйозною, щоб дозволити адміністрації президента змушувати кар’єрних державних службовців розставити ідеологічні інтереси президента над суспільними інтересами. Щоб допомогти подолати цю серйозну проблему, у статті стверджується, що дисципліна державного управління повинна допомогти розширити повноваження федеральних службовців щодо виконання функцій охоронців конституційних цінностей, надаючи їм інструменти, необхідні для розкриття та оприлюднення випадків зловживання владою адміністрації президента з наміром ігнорування конституційних основ адміністративної держави [23].

З кінця 20 століття до 2018 року відносини між адміністративною державою та судовою системою зазнали значних змін. У той самий період адміністрації президента намагалися використати бюрократичну владу для реалізації своїх ініціатив у сфері державної політики без отримання дозволу Конгресу. Після огляду еволюції судового нагляду за адміністративною державою, автор статті стверджує, що федеральні суди зараз використовують спеціальний підхід для визначення обсягу судового нагляду за адміністративним процесом. В розглянутій статті стверджується, що використання такого спеціального підходу завдало серйозної шкоди адміністративній державі, надавши недостатні вказі-

вки для адміністрації президента щодо використання бюрократичних повноважень для реалізації ініціатив державної політики [3].

Україна просунулась уперед у широкій програмі реформ, включаючи реформи судової влади, з метою створення незалежної та компетентної судової системи. Загальнозвано, що така система необхідна для боротьби з поширеною корупцією. У статті стверджується, що зараз настав час прийняття закон про мирні зібрання з метою піднесення правої системи України до стандартів ЄС та міжнародних стандартів [24].

Естонія, Латвія та Литва зарекомендували себе як палкі прихильники Східного партнерства ЄС, а також поєднали це з рішучою національною політикою. Криза в Україні, з приєднанням Криму до Російської Федерації, а також військова агресія Росії, що спричинила конфронтацію у відносинах між ЄС та Росією, поставила перед країнами Балтії най-більший політичний виклик з часу відновлення незалежності. Поєднуючи літературу європейзації з підходом Ларсена до зовнішньої політики малих держав, розглянута стаття зосереджується на взаємозв'язках між національною зовнішньою політикою держав-членів ЄС та Європейським Союзом як зовнішньополітичною платформою. Аналіз синтезу результатів змісту офіційних прес-релізів з інтерв'ю дипломатів країн Балтії. Емпіричні результати показують, що у відповідь на українську кризу країни Балтії регулярно реалізовували свої політичні цілі через ЄС, оскаржуючи загальноприйняті уявлення про те, що європейзація рідко поширюється на зовнішні справи та питання безпеки. Більш конкретно, поводження балтійських держав з українською кризою свідчить про те, що європейзація може вплинути навіть на досьє, що мають серйозний вплив на безпеку держав-членів та національний суверенітет, що відповідно до існуючого в літературі консенсусу є маломовірним [2].

У процесі написання роботи, було визначено, що проблемними питаннями сучасної реалізації організаційно-правового механізму у публічній зоні є: недостатня відповідність чинної нормативної бази державних послуг європейським стандартам; невизначеність організаційного надання державних послуг органами державного управління, де організаційними інструментами для виконання цього завдання можуть бути не тільки державні органи, а й спеціально створені громадські ради та структури управління, що діють на основі підприємницької діяльності у публічній сфері. Такі організаційні зміни передбачають взаємодію уряду, бізнесу та громадськості, яка має відбуватися на паритетній основі. Таким чином, органи державної влади в Україні зробили важливий крок до створення та функціонування моделі послуг, спрямованої на підвищення якості та ефективності державного управління у сфері доступу до державних послуг, що є критерієм прав людини та нова система відносин в демократії. Однак функціонування моделі статусу послуг лише на ранній стадії та потребує вдосконалення організаційно-правових механізмів державних послуг, які враховують існуючі проблеми їх надання

органами державної влади у процесі поглиблення адміністративно-територіальної реформи та передбудову національної економіки.

Під час дослідження було встановлено, що основними проблемами сучасної реалізації організаційно-правового механізму у сфері надання державних послуг є: недостатня відповідність чинному законодавству у сфері державних послуг з урахуванням європейських стандартів; Невизначеність організаційного надання державних послуг органами державного управління, де організаційними інструментами для виконання цього завдання можуть бути не тільки державні органи, а й спеціально створені громадські ради та структури управління, що діють на основі підприємницької діяльності у публічній сфері. Такі організаційні зміни передбачають взаємодію уряду, бізнесу та громадськості, яка має відбуватися на паритетній основі.

References

1. Lys AB. Mechanisms of public administration of processes of rendering of administrative services: the thesis for the degree of the PhD in Public Administration. 2016. Ivano-Frankivsk: Ivano-Frankivsk National Technical University of Oil and Gas.
2. Vilson M. The foreign policy of the Baltic states and the Ukrainian crisis: A case of Europeanization? New Perspectives 2020;23(2): 49-76.
3. Roberts RN. The Judicial Response to the Presidential Polarization of the Administrative State. The American Review of Public Administration 2018;49(1): 3-20.
4. Pilyay AM. The state of development of the public service state in the EU countries in terms of administrative reform in Ukraine and the Association Agreement between Ukraine and the EU. Right. Man. Environment 2019;10(4): 143-151.
5. Lakhizha M. Foreign experience in implementing QMS in the work of government. Bulletin of the Civil Service of Ukraine 2006;3: 40-46.
6. Tymoshchuk V. Administrative services: A guide. Swiss-Ukrainian project "Support to Decentralization in Ukraine – DESPRO". 2012. Kyiv: Sofia-A.
7. Lopushynsky IP. Introduction of e-government in the work of executive bodies of Ukraine as an important component of civil service reform. Public administration: theory and practice: a collection of scientific works of the Association of Doctors of Science in Public Administration. Kharkiv: DokNaukDerzhUpr 2010;2: 194-198.
8. Litvinova NM., Litvinov, O.V. Problems of providing administrative services to citizens with the use of information and communication technologies in Ukraine. Public Administration: Theory and Practice, 2. 2013. Available from: http://www.irbis-nbuu.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?I21DBN=LINK&P21DBN=UJRN&Z21ID=&S21REF=10&S21CNR=20&S21STN=1&S21FMT=ASP_meta&C21COM=S&2_S21P03=FILA=&2_S21STR=Patp_2013_2_9
9. Burenko TO. Formation of system of rendering of administrative services by public authorities in Ukraine: the thesis for the degree of the PhD in Public

- Administration. 2011. Kyiv: National Academy of Public Administration under the President of Ukraine.
10. Ternushchak M. Current state and prospects of public administration development for the provision of administrative services. *Actual Problems of Jurisprudence* 2019;3(19): 79-81.
11. Bukhanovich OM. Problems of providing administrative services by local governments. *Scientific Bulletin of the International Humanities University. Jurisprudence Series* 2015;14(1), 71-73.
12. Bondar GL., Voronova LV. The current state of administrative services in Ukraine under conditions of decentralization. *State and Regions. Public Administration* 2019;1(65): 32-37.
13. Voronina A., Kopil O. Problems of providing administrative services in Ukraine. Pp. 29-281 in: *Anti-crisis management of the economy of Ukraine: New challenges: materials of the III International Scientific-Practical Internet Conference*. 2015. Kyiv: KNEU.
14. Pankova ZL. Analysis of problems of providing administrative services in the field of economy and ways to solve them. *Current Issues of State and Law* 2016;76: 131-136.
15. Kettl D. The global public management revolution. 2006. Washington D.C.: Brookings Institution Press.
16. On the external and internal situation of Ukraine in 2016: Annual Address of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine. 2016. Available from: http://www.niss.gov.Ua/content/articles/files/poslanya_new-cc2e3.pdf
17. On administrative services: Law of Ukraine No. 5203-VI. 2012. Available from: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/5203-17#Text>
18. Burenko TO. E-government is the key to an effective system of public administrative services in Ukraine. Pp. 291-292 in: *Regional development strategy: reinforcement and implementation mechanisms: materials of the scientific-practical conference with international participation*. 2009. Odessa: ORIDU NADU.
19. Konoptsev OS. Use of e-government technologies in the process of providing administrative services. *State Building*, 2. 2013. Available from: <http://www.kbuapa.kharkov.ua/e-book/db/2013-2/doc/1/03.pdf>
20. Ivano-Frankivsk Administrative Services Center. 2021. Available from: <http://www.cnap.if.ua/zaginf>
21. StateGeoCadastre. Full list of Administrative Service Centres in Ukraine. 2015. Available from: <https://land.gov.ua/old/icat/tsnappy/>
22. Turchyn Y., Sukhorolskyi P., Sukhorolska I. Marking time on the way to democracy in Ukraine: A causal layered analysis. *New Perspectives* 2020;28(2): 150-178.
23. Roberts RN. The administrative presidency and federal service. *The American Review of Public Administration* 2021;51(6): 411-421.
24. Mykhailiuk G., DiMatteo LA. Creating a comprehensive peaceful assembly law for Ukraine: Idea and ideal. *New Perspectives* 2021;29(1): 45-68.

**Deutsche internationale Zeitschrift
für zeitgenössische Wissenschaft**

**Nº19 2021
VOL. 2**

Deutsche internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft ist eine internationale Fachzeitschrift in deutscher, englischer und russischer Sprache.

Periodizität: 24 Ausgaben pro Jahr

Format - A4

Alle Artikel werden überprüft.

Freier Zugang zur elektronischen Version des
Journals

**German International Journal
of Modern Science**

**Nº19 2021
VOL. 2**

German International Journal of Modern Science is an international, German/English/Russian/Ukrainian language, peer-reviewed journal.

Periodicity: 24 issues per year

Format - A4

All articles are reviewed.

Free access to the electronic version of journal.

- Edmund Holst (Salzburg) AT
- Michaela Meissner (Köln) DE
- Klara Amsel (Liège) BE
- Briana French (Cambridge) GB
- Joleen Parsons (Manchester) GB
- Dragomir Koev (Sofia) BG
- Stanislav Štěpánek (Praha) CZ
- Valeriya Kornilova (Kyiv) UA
- Dmitriy Aksenov (Lviv) UA
- Valentin Bragin (Moscow) RU
- Mirosław Bednarski (Warsaw) PL
- Daniela Villa (Florence) IT
- Mattia Molteni (Rome) IT
- Sylwia Krzemińska (Ljubljana) SI
- Käte Kraus (Vienna) AT
- Eleonora Lehmann (Berlin) DE
- Alexander Dressler (Marseille) FR
- Zdzisław Małecki (Warsaw) PL
- Adrián Borbély (Budapest) HU

- Edmund Holst (Salzburg) AT
- Michaela Meissner (Köln) DE
- Klara Amsel (Liège) BE
- Briana French (Cambridge) GB
- Joleen Parsons (Manchester) GB
- Dragomir Koev (Sofia) BG
- Stanislav Štěpánek (Praha) CZ
- Valeriya Kornilova (Kyiv) UA
- Dmitriy Aksenov (Lviv) UA
- Valentin Bragin (Moscow) RU
- Mirosław Bednarski (Warsaw) PL
- Daniela Villa (Florence) IT
- Mattia Molteni (Rome) IT
- Sylwia Krzemińska (Ljubljana) SI
- Käte Kraus (Vienna) AT
- Eleonora Lehmann (Berlin) DE
- Alexander Dressler (Marseille) FR
- Zdzisław Małecki (Warsaw) PL
- Adrián Borbély (Budapest) HU

Artmedia24

Anschrift: Industriestraße 8,74589 Satteldorf Deutschland.

E-mail: info@dizzw.com
WWW: www.dizzw.com

Chefredakteur: Reinhardt Roth

Druck: Einzelfirma Artmedia24, Industriestraße 8,74589 Satteldorf Deutschland

Artmedia24

Address: Industriestrasse 8,74589 Satteldorf Germany.

E-mail: info@dizzw.com
WWW: www.dizzw.com

Editor in chief: Reinhardt Roth

Printing: Artmedia24, Industriestrasse 8,74589 Satteldorf Germany.

Die Hersteller der Zeitschrift sind nicht verantwortlich für die in der Zeitschrift veröffentlichten Materialien.

Die Autoren sind für die Richtigkeit der im Artikel enthaltenen Informationen verantwortlich. Die Meinung der Hersteller spielt möglicherweise nicht die Ansichten des Autoren wieder.

Bei Nachdruck ist ein Verweis auf der Zeitschrift erforderlich. Materialien werden in der Ausgabe des Autoren veröffentlicht.

Editorial board of journal is not responsible for the materials published there.

Authors are responsible for the accuracy of articles contained information.

Opinion of editorial board may not coincide with the opinion of authors published materials.

In case of materials reprinting - link to journal is required.

Materials are publishing in native author's edition.

ISSN (Print) 2701-8369

ISSN (Online) 2701-8377

Edition: № 19/2021 (October) – 19th

Passed in press in October 2021

Printed in October, 2021

Printing: Artmedia 24, Industriestrasse 8,
74589 Satteldorf, Germany.

The logo consists of the word "artmedia" in a lowercase sans-serif font. The letter "a" is green, while the rest of the letters are grey. Above the letter "d" is a small superscript "24".

© Artmedia24

© Deutsche internationale Zeitschrift für zeitgenössische Wissenschaft / German International Journal of Modern Science

